Ирина Эренбург

ГАЛА ИЭЛЮАР

МУЗА до Сальвадора Дали

Ирина Эренбург

Гала и Элюар

«ЛитРес: Самиздат»

2006

Эренбург И.

Гала и Элюар / И. Эренбург — «ЛитРес: Самиздат», 2006

Ее настоящее имя было Елена Дьяконова. Никто не знает, где и когда произошло чудо: нескладная слабая девочка исчезла, на свет появилась женщина-легенда - ГАЛА. Гала обладала таинственным даром магического притяжения. Она вела за собой, вдохновляла, сводила с ума. Муза и главная героиня полотен Сальвадора Дали. Любовница художника-авангардиста Макса Эрнста. Но её первой, самой яркой и болезненной любовью стал не знаменитый художник-сюрреалист, а французский поэт Поль Элюар. Эта книга, прежде всего, о большом и страстном чувстве этих столь непохожих друг на друга людей: русской загадочной женщины-МУЗЫ и поэта. Любовно-исторический роман.

© Эренбург И., 2006
© ЛитРес: Самиздат, 2006

От автора

В конце девяностых я впервые побывала в Испании. Не будучи поклонницей творчества Сальвадора Дали, все же посетила знаменитый дом художника. Помимо моей воли со мной произошло нечто непонятное. Мне захотелось не просто больше увидеть полотен Сальвадора, прочесть его прозу, но узнать о его творческой концепции и круге других художников, с которыми он общался. У меня возникла потребность познакомиться с его супругой, его Музой, его соратником и подругой. Именно там, в Фигерасе, ко мне пришла уверенность: без поддержки этой русской женщины, без создания этого довольно необычного партнерства, не было бы того *легендарного* Сальвадора Дали, о котором узнал весь мир.

Я прочла автобиографическую книгу «Тайная жизнь Сальвадора Дали», монографию Доминик Бона «Гала. Муза художников и поэтов». Узнав, что Елена Дьяконова в детстве дружила с Анастасией Цветаевой, нашла ее книгу «Воспоминания». И, естественно, стала знакомиться со всеми материалами, что выходили на русском языке о поэте Поле Элюаре. «Письма к Гала» только подтвердили мою мысль: до Дали Гала претерпела сложный период жизни. И не только претерпела, но и научилась выживать, жить, наслаждаться жизнью.

Случайно, когда я узнавала в редакции о судьбе моих предыдущих рукописей, мне задали вопрос, смогу ли я предложить что-либо в серию «Кумиры. Истории Великой Любви»? «Гала и Элюар. Муза поэта», – не задумываясь, ответила я, даже не предполагая, какой сложности работа мне предстоит. Я искала всё, что было написано на русском языке, каким-либо образом связанное с этой любовной, а затем и супружеской парой. Штудировала теоретические работы о дадаизме, сюрреализме и пр. Искала в интернете и в библиотеках статьи и большие биографические произведения о Максе Эрнсте, Бунюэле. Чтобы понять быт и нравы швейцарских туберкулезных санаториев, перечитала Ремарка «Жизнь взаймы» и Томаса Манна «Волшебная гора»… Сейчас уже не вспомню, сколько было прочитано, выверено, продумано. Самое главное, в результате всей этой работы произошло «подключение», я почувствовала себя не вне контекста, но внутри. Я жила образами, литературные персонажи не мне подчинялись, но я им!

Так родилась эта книга. Она написана в жанре очень редком для русской беллетристики, в жанре любовно-исторического романа. ЛЮБОВЬ – главная тема. Гала и Элюар – основные персонажи.

Благодарю всех читателей, кто прочел мою книгу и оставил отзывы. Особенная признательность тем, кто писал свои мини-рецензии с положительными отзывами.

«Книга понравилась, как по содержанию, так и по написанию. Но если хотите побольше узнать о Дали – то не в этой книге. Тут больше описывается период до. Читать интересно. После самой книги идет послесловие от имени Сальвадора Дали. Но буквально несколько страничек из его дневника. Язык не слишком простой, некоторые вещи заставляют задумываться и сопереживать героям. Хорошо описывается быт и нравы богемы того времени. Прилично эротики… Если нравится Набоков, то с большой долей вероятности понравится и это произведение.

Рекомендую для легкого чтения, можно взять с собой в дорогу (Каракашьян Ксения) .

***

Книга прелестная! Читается на одном дыхании! Автор как будто лично была свидетельницей бурного романа четы Элюаров. Стиль я бы назвала художественной литературой (Nirvana13).

***

Книга очень понравилась. Советую ее прочитать тем, кому интересно погружаться в мир чувств, эмоций, мир любви, как ее представляют или испытывают многие.

Интересен подход автора, не автобиографический, а художественно-литературный. Книга читается на одном дыхании, как любовно-исторический роман. Исторические лица предстают перед читателем, как люди со своими чувствами и эмоциями в исторической атмосфере.

Также советую, чтобы до конца проникнуться атмосферой, почитать стихи Элюара и посмотреть или пересмотреть картины Сальвадора Дали. А также тех авторов, которые упоминаются в романе (bilitis).

***

Книга понравилась, хотя я ожидала менее "художественного" подхода, то есть больше фактов, воспоминаний конкретных людей. Написано в стиле французского романа, поэтому не совсем понятно, что является действительно достоверной информацией, а что художественным домыслом. Нигде нет ссылки на источник сведений. И все равно образ Гала и ее любви вдохновляет! (tinuviel)

***

Замечательная книга! Она захватывает и не отпускает с первой страницы. Книга о Настоящей ЖЕНЩИНЕ: хорошо образованной, волевой, жизнелюбивой. Вдохновляющей умных мужчин. Эротичной. Влекущей. ПОРОДИСТОЙ. Очень редко можно сейчас встретить такую по-настоящему искреннюю историю любви (Полина).

I

Вжавшись пылающей щекой в подушку, Галя лежала без сна на жесткой полке вагона. Поезд уносил ее сквозь пелену падающего снега, прочь из Москвы, прочь из обыденного существования, прочь от скуки, пошлости, болезни. Ее сердце вторило стуку колес, заставляя пульсировать кровь в венах. Ей представлялось, как мать неспешно поднимается в ее комнату, останавливается на пороге, оглядывая скудно обставленное помещение с кроватью, письменным столом, шкафом, полным книг, и застывает в недоумении – на стене, где висят фотографии в деревянных рамках, сочными пятнами заплат зияют квадраты обоев. Мать подходит ближе, чтобы угадать, какие из фотографий старшая дочь взяла с собой в дальнюю дорогу, и вдруг замечает, что исчезли иконы. Вздох облегчения вырывается из ее груди.

– Храни тебя Бог, – шепчет она и осеняет себя крестом.

Своим внутренним взором Галя во всех подробностях видела, как жесткая складка материнского рта расслабляется, морщинки разглаживаются, линия плеч становится покатой, будто тяжелая ноша наконец-то сброшена. Галя всегда чувствовала, что для матери она была обузой, источником раздражения, непонятной, чуждой и оттого нелюбимой дочерью.

Сама же Галя давно поняла, что она – особенная. И не потому, что у нес были темные ночные глаза в тени густых, загибающихся к векам ресниц. И не из-за порывистых движений ее легкого тела. И даже не из-за двойственности имени – отец дал ей имя Елена, а мать звала ее Галей. Просто она видела, слышала, обоняла иначе, чем другие. То, что ее братьям, матери, отцу казалось обыденным, неинтересным, не стоящим внимания, для нее было целым событием, открытием – откровением. Она могла часами неподвижно лежать на кровати, вдыхать льющийся через распахнутые настежь окна запах чисто вымытой быстрым летнем дождем листвы и мечтать, глядя, как тени, тысячекратно перекрещиваясь, составляют причудливые узоры на потолке. Ее посещали видения, похожие на сны. Или сны, похожие на видения?.. Она пыталась рассказать матери о том, что для нее было важным: об эльфах, приходящих к ней, когда она закрывала глаза, о шелесте их крыльев. о голосах, приносимых ветром… Мать прерывала ее на полуслове, взгляд ее таких же, как у дочери, уходящих в черноту глаз становился

колким, лицо каменело. Только один человек слушал ее рассказы с интересом, находил для нее нужные, ободряющие слова, одаривал мягкой, доброй улыбкой… Впервые Галя сделала для себя открытие: тот, кто не связан с ней узами крови, может быть ближе, понятней, родней.

Больше всех на свете она любила отчима, и Дмитрий Ильич Гомберг был нежен и ласков с нею. С того самого момента, как мать вторично побывала под венцом, Галя стала называть Дмитрия Ильича папой, и в ее документах значилось: Елена Дмитриевна Дьяконова.

…По задернутым шторам пробежали яркие вспышки света, вырывая ее из задумчивости. Ночная рубашка, больше похожая на одеяние монахини, сжимала ее девичью грудь, подол обволакивал, стягивал ноги, словно пелена тяжелой воды, западая между бедрами оттого, что она никак не могла успокоиться и вертелась на своей узкой вагонной полке.

Ее знобило, хотя вагон был хорошо натоплен. Ее тело помнило последнее крепкое объятие отца на перроне, ободряющее похлопывание по спине его большой теплой ладони, жаркий шепот:

– Запомни одно: ты моя красавица, ты больше, чем красавица. В тебе есть то, за что миллионы женщин отдали бы все на свете. И ты сильная. Ты даже не подозреваешь, какая сила кроется в тебе. Ты справишься со всеми трудностями. Ты чудесная девушка. Чудесная, удивительная, необыкновенная. Запомни это на всю жизнь.

Он взял ее за плечи и, не отнимая рук, отодвинул ее от себя, заставил посмотреть прямо в его лицо. Галя словно впервые увидела его глаза – серые, как московское небо, с проблесками еле уловимого орехового оттенка, добрые и ясные. И пока она смотрела на него, выражение его глаз изменилось, стало темнее и глубже. Словно мягкой пеленой окутал ее этот полный любви взгляд.

– Ты не такая, как все, – с силой выдохнул он, – запомни, ты – особенная.

От того, что он угадал ее непохожесть, Галя вмиг поверила его словам. И все, что дальше он говорил, воспринималось ею как заклинание, как молитва.

– Для тебя это путешествие – замечательный шанс познать саму себя, – убедительно говорил отец. – Как узнать, кем ты являешься на самом деле, кто такая, в чем твоя исключительность? Только наблюдая, сравнивая, анализируя. А для этого нужно выйти за пределы обыденности. Только через других людей можно узнать самих себя. Ты увидишь другие края, узнаешь иных людей, нежели ты привыкла видеть рядом с собой. Твои новые знакомые будут разными. Чаще равнодушными, глупыми, ненужными. Но будут и такие, что удивят тебя. Клаваделъ – интернациональное место. И это хорошо. Ты сможешь проверить свой немецкий. У вас в гимназии немецкий язык давали на уровне. У тебя будет прекрасная языковая практика. Наверняка в Клаваделе будут и французы. Узнаешь, хороши ли были уроки нашей Жюстины.

Отец подмигнул ей. Он подтрунивал над их служанкой. Средних лет простая женщина из швейцарской деревни серьезно относилась к своей роли учительницы французского языка для приемной дочери хозяина дома, московского адвоката Гомберга.

– Я уверен, болезнь уйдет, ты ее победишь. Сделай все, чтобы выздороветь. Пусть другие думают, что болезни стоит бояться. Бояться ничего не нужно. Страх разрушает больше, чем любые бациллы. Ты у нас смелая. Самая смелая девушка на свете. И самая красивая… милая, милая. – Он снова крепко прижал ее к себе. В объятиях отца Галя чувствовала нечто волнительное, как в полетах на качелях: захватывает дух, сердце стучит гулко, подкашиваются колени. Сердце ее бьется толчками, она теснее прижимается к отцу, кладет голову ему на грудь, стремясь поделиться хоть частичкой горячей благодарности, переполняющей ее душу.

Узкая ладонь опустилась ей на плечо – так просто и все же так неожиданно. Галя отпрянула от отца и встретилась с настороженным взглядом матери. Ее рука соскользнула с плеча дочери, мать пытается улыбнуться, но улыбка выходит напряженной, вымученной. Своим женским чутьем она угадывала, что в жарком, искреннем объятии – признание в любви по-насто-

ящему близких людей. Насколько близких?.. Сердобольного отца и приемной дочери? Стареющего мужчины и юной, не знающей еще своей силы расцветающей женщины?..

Галя не осознавала, но чувствовала – в сердце матери поселилась ревность. Ревность женщины, у которой слишком многое осталось в прошлом, к своей так внезапно повзрослевшей дочери.

– Будь осторожной, береги себя, – сказала мать вымученно. – Слушай врачей, не простужайся. У Клаваделя наилучшая репутация. Ты знаешь, Дмитрий Ильич сделал все возможное, чтобы отправить тебя в дорогой санаторий. Говорят, в Швейцарии лечат хорошо, и воздух, и медперсонал, и врачи – самые лучшие. Ты не сомневайся, ты обязательно поправишься. Скорее всего, пребывание в санатории тебе предстоит длительное, может, полгода, может, год или больше. Сколько нужно… Ты знаешь, мы не богаты, но для тебя, чтоб ты выздоровела, Дмитрий Ильич продал свои ценные бумаги… Денег немного, но тебе должно хватить. Ты не сердись, что я не могу тебя сопровождать – Лиза еще требует много внимания, да и дом я не могу оставить. Мы едва нашли средства, чтобы тебя одну направить в санаторий. Зато самый лучший…

Сквозь монотонный стук колес Гале вспоминались последние материнские слова, сказанные на перроне: о том, что она должна помнить о жертвах, которые ради нее принесла вся семья; все – братья, младшая сестра, она и Дмитрий Ильич – все они любят ее и будут ждать возвращения. Галя помнила бледное от морозного воздуха лицо матери и думала: отныне ей суждено одиночество. И все ж отчасти это было уже знакомое ощущение – отлучение от семьи, и в то же время чувство причастности к иному миру, пока ей неизведанному, по столь притягательному. Галя уже была заражена вирусом если не роскоши, то достатка, который царил в доме университетского профессора Ивана Владимировича Цветаева, где она провела множество блаженных часов в обществе своей подруги Аси. Гале была близка и понятна жизнь, что не знает благоговения перед накоплениями «про черный день», где деньги превращаются в красивые платья, новые книги, путешествия. Марина Цветаева, старшая сестра Аси, в свои шестнадцать без сопровождающих, в одиночку отправилась в Париж. Смелый поступок молодой поэтессы, которая была столь же экстравагантна, сколь и талантлива, стал для Гали уроком. Отныне она тоже постарается освободиться от пут обязательств перед семьей, она подвластна только своим чувствам, только своему сердцу. Она будет жить так, как будто у нее нет прошлого.

Прошлое… Далекое детство в Казани, смерть родного отца, вторичное замужество матери, переезд в Москву. Игры, забавы и особенно любимые ею книги. Множество выдуманных историй, которые скрашивали тягостные дни, проведенные в постели. Господь не дал ей крепкого здоровья, а некоторое время назад врачи огласили безжалостный вердикт – туберкулез, страшная неизлечимая болезнь. Врачи утешают – ее болезнь в зачаточном состоянии. но Галя знает – она приговорена! От чахотки умерла ее одноклассница. Болезнь отобрала мать у Аси Цветаевой.

Галя помнила, как изменилось лицо ее близкой подруги, когда в смятении она сообщила ей о своей болезни – словно невидимая преграда встала между ними, черты лица Аси окаменели, взгляд ушел вглубь. На смену близости пришла отчужденность. Галя почувствовала себя прокаженной, отринутой, преданной и в то же время понимала и прощала. Ася заслоняла себя от боли. Чахотка отняла у нее мать, очередь за ней, ее подругой.

Мысль о неизлечимой болезни, что побудила ее к дальнему путешествию, заставила вмиг похолодеть ее руки, ступни ног. Они начали мелко дрожать. При мысли о болезни и возможной скорой смерти в ней поднималось возбуждение, подобное тайфуну, готовое поглотить все ее мысли, все чувства, кроме темного, грозного ужаса перед неизвестностью. В ней росла необо-

римая жалость к себе, такой юной, хрупкой и беззащитной перед неизбежным. И в то же время она никак не могла представить, что ее вдруг не станет. Не будет ни ее хрупкого тела с безупречно-гладкой кожей, не будет ее рук с красивыми длинными пальцами и идеальной формы закругленными полумесяцем ногтями, не будет ни тонкого носа, ни губ, ни вытянутых ушных раковин с мягкими, чувствительными мочками. Ее, устремленной в будущее, полной жажды жизни, НЕ БУДЕТ! Нет, это невозможно себе представить. Что значит не быть, не жить, не дышать, не ощущать – она не знала, и не хотела знать. При слове «смерть» перед ней возникала картина московского кладбища, куда они с Асей и Мариной ходили на могилу их матери.

– Она умерла не от чахотки, от нелюбви, – тогда сказала Марина.

Эти слова, как и удушливый запах мелких белых цветков на соседней могиле да стрекот сверчков в кустах у кладбищенской оградки, прочно осел в ее памяти. Чувство долга перед уважаемым, но нелюбимым мужем свела Марию Александровну в могилу. Мать Аси и Марины любила не их отца – подруга ей много о том рассказывала и даже показывала мамин дневник с вырванными страницами, посвященными загадочному мужчине, которого и сама Мария Александровна, и ее дочери называли Тигром.

Тогда, около могилы Марии Александровны Цветаевой, Галя дала себе клятву: никогда не отрекаться от своих чувств даже ради самых благих намерений, ради приличий, принятых в обществе. Любовь нельзя отвергать даже ради семейного долга.

Любовь… Как часто они с Асей говорили о любви, вместе мечтали, смеялись над первыми поклонниками. Галя, вслед за сестрами Цветаевыми, даже пыталась писать стихи. Но слова подчинялись ей неохотно, не хотели строиться в ряды строк, не складывались в рифмы; ей было проще найти в чужой поэзии отражение собственных чувств, нежели самой выразить то, что пока еще смутно зрело в ее душе.

Кто он – ее Богом выбранный возлюбленный? Кому ей суждено стать спутницей жизни? Образ любимого представал перед ее мысленным взором в разных обличиях. То это был юноша с крепкими объятиями и взглядом с поволокой, с которым она танцевала на рождественском балу, или друг брата, гостивший в их доме в дни зимних каникул.

Алексей познакомил ее с первыми чувственными наслаждениями – пугающими и влекущими одновременно. При воспоминании о крепких, требовательных руках, расстегивающих пуговицу за пуговицей ее корсажа, о мокрых, мягких губах на своей коже, о смелых ласках в ее груди вздымалась темная, горячая волна и, затопив сердце, огнем разливалась по жилам. Но чаще всего она представляла себя в объятиях зрелого мужчины, многими чертами похожего на ее приемного отца.

Галя погрузилась в воспоминания. Она помнила, как нежилась в теплой, благоухающей розмарином воде в ванной комнате. По едва ощутимому напряжению, которое повисло в воздухе, она поняла, что не одна. Отодвинув полотняную шторку, она встретилась взглядом с отцом. С мелкими бисеринками пота на висках, с раздувающимися, как у лошади перед стартом, ноздрями, он смотрел на нее. Раньше она никогда не видела или не замечала у него подобного взгляда, странного и волнующего. Когда она поймала его полный вожделения взгляд, то отвела глаза и увидела свое отражение в зеркале. Внезапно она увидела себя такой, какой, вероятно, видел ее он: волнистые влажные волосы, струящиеся по плечам, округлые груди с выпирающими острыми сосками, мягкие колени, двумя бугорками выглядывающие из-под воды. Она испытала непонятную радость и гордость за то, что она так молода и хороша собой, но в инстинктивном порыве целомудрия одна ее рука сама собой окунулась в воду и юркнула между бедер, другая закрыла грудь…

Монотонный стук колес и покачивание вагона наконец растворили ее воспоминания в стремительном потоке быстрых, неуловимых сновидений.

Дорога была долгой, с несколькими пересадками и пересечением границ. Галя выходила на станциях, гуляла по перронам, заходила в буфеты, обедала в привокзальных ресторанах. Она все реже возвращалась мыслями в прошлое. Поездка в одиночестве заставила сконцентрировать все свои силы. Простые решения, стоит ли принимать приглашение посетить соседнее купе, чтобы скоротать время игрой в карты с пожилой дамой, или как отвязаться от компании надоевшего попутчика, давались ей с трудом. Она скучала в уединении своего купе, но, с другой стороны, быстро уставала от пустых разговоров. Встречи со случайными людьми стали хорошей иллюстрацией отцовской правоты: она убедилась, что люди в большинстве своем ограничены и невежественны, обуреваемы гордыней, самолюбивы и лживы.

* * *

Галя вздрогнула от внезапного стука в дверь. В купе вошел высокий мужчина и произнес несколько слов на французском языке, затем повторил громко и отчетливо на немецком. Прошло несколько мгновений, прежде чем Галя поняла, что этот человек в форме просит показать паспорт. Жандарм взял из ее твердых пальцев документ, оглядел пассажирку сверху вниз, будто искал изъяны в ее дорожном костюме цвета побуревшего от дождя речного песка.

– Вы русская? Едете одна, без сопровождающих?

Галя без видимых усилий выдержала вопрошающий взгляд. Она уже привыкла, что все, кто заводил с ней разговор, с недоумением или с осуждением отмечают ее одиночество. Сначала это Галю раздражало, но повторение одного и того же вопроса в разных вариантах от разных людей заставило ее смириться. Действительно, не так часто можно встретить девушку в семнадцать лет, путешествующую в одиночку.

– Да, я подданная Российской империи. Путешествую одна, – ответила она на немецком.

– Цель поездки?

– Отдых. Я еду на курорт, – не дрогнув, ответила она. Отчего-то ей захотелось казаться не больной туберкулезом, приехавшей на лечение в санаторий, а скучающей путешественницей, променявшей студеную русскую зиму на легкий морозец швейцарских Альп.

– Приятно провести время. Надеюсь, вам у нас понравится.

Галя одарила жандарма сдержанной улыбкой, и он, небрежно откозыряв, закрыл за собой дверь, как ей показалось, осторожнее, чем открывал. Спрятав паспорт в сумочку, Галя присела к окну, и невольный вздох восхищения вырвался из ее груди: на горизонте, окаймляя опушенную туманом равнину, необъятным телом великана вздымалась каменная громада горы. Солнечные лучи утреннего солнца превратили ледники на вершине в расшитое бриллиантами одеяние. Ее взгляд с восторгом остановился на гранитном склоне с ледяным орнаментом. Поезд мчал ее вперед, открывая все новые и новые горизонты. Вот водопад, рассыпающий миллиарды брызг и низвергающий свои воды в долину. Кажущиеся игрушечными изящные домики подобно птичьим гнездам уютно устроились в расщелинах. Белоснежные остроконечные вершины изысканными опорами поддерживают крышу изумительной голубизны небесного шатра.

Великолепие природы заставило сердце девушки учащенно биться, в ее душе дали ростки новые ощущения, посеянные могучей силой странствий. Ни единой мыслью Галя уже не цеплялась за прошлое. Были забыты отец и мать, занесенный снегом дом на Трубниковской, где на шестом – последнем – этаже снимала квартиру семья Дьяконовых-Гомбергов, забыты озноб и дрожь, тоска и страх перед неизлечимой болезнью. Галя испытывала такое наслаждение, такую радость, что от печальных мыслей не осталось и следа. Многодневное путешествие в одиночку вырвало ее с корнем из прошлой жизни, тысячи километров, отделявшие ее от родного дома, исподволь переориентировали сознание: от прошлого к будущему, от опутывающих обыденных обязательств к ощущению безбрежности свободы.

Восторженная радость сопровождала ее вплоть до Ландкварта, небольшой альпийской станции. Но когда она пересела в вагон узкоколейки, и маленький мощный паровозик потащил состав вверх по скалистой дороге, все ее силы, казалось, иссякли. Она откинулась на спинку

обитого серым сукном сиденья и закрыла глаза. Усталость притянула к себе страх. Мысли, мелкие и боязливые, вертелись вокруг одного: что ждет ее на конечной станции? Кто и как будет ее встречать? Как будет выглядеть ее новое жилище? Какие люди будут ее окружать? Чем наполнятся ее будни?.. Ей панически захотелось назад, к привычной московской жизни, в которой все, до последней детали, ей было известно, где распорядок дня диктовался ритуалами обыденности. Все на свете она отдала бы, лишь бы рядом с ней был кто-то из родных: папа, мать, брат или сестра, подружка… Все они уверяли ее в своей любви и никто – никто! – не нашел возможности скрасить одиночество ее пути. Обида волной захлестнула ее, смыла память о том, как она сама заверяла отца, что не боится долгого путешествия и не нуждается ни в чьем сопровождении.

Поезд, вздрагивая на стыках, неспешно полз вверх. Разум говорил ей, что не стоит сетовать на судьбу, заставившую ее пуститься в столь дальнее путешествие в одиночку, сердиться на родных, оставшихся в привычной и такой для нее далекой московской жизни.

Слезы обожгли ей глаза. Галя прислонила лоб к холодному стеклу окна, чтобы справиться с нахлынувшими чувствами. Она должна держать себя в руках. Еще немного… Вот только доберется до места, закроет за собой дверь своего нового пристанища и тогда…

Раздался протяжный тревожный свисток паровоза, как будто ее щемящее одиночество воплотилось вдруг в звуке, и вмиг ее окутала тьма. Когда поезд вынырнул из тоннеля, она уже взяла себя в руки. Она одна, и ей некому препоручить себя.

– Уже скоро, готовьтесь, – как будто угадав ее мысли, раздалось рядом, – Давос-Плац.

Галя надела манто – материнскую шубу из шкурок белки с кроличьими манжетами, изящно маскирующими потертости на рукавах, – и, взяв в руки дорожную сумку, пошла к выходу.

Галя неторопливо спустилась с высоких ступенек вагона и, размеренно цокая подбитыми железными набойками каблучками, пошла по перрону: спина прямая, плечи развернуты, темные глаза горят огнем. Изящной фигурой, угадывающейся под широкими полами манто, она невольно привлекала к себе внимание. Галя кажется уверенной в себе и в своем будущем молодой девушкой. Кто бы знал, как учащенно бьется ее сердце, как волнение холодным обручем сдавливает грудь!

Она подошла к человеку в форме.

– В Граубюнден, – сказала она отчетливо.

– Какой отель?

Улыбка тронула ее губы – этот постоянно встречающий пассажиров вокзальный служащий принял ее за путешественницу. Добрый знак, – подумала она и четко произнесла:

– Клавадель. Санаторий. Елена Дьяконова. Меня должен ждать экипаж.

Служащий вокзала уверенным жестом направил ее к мужчине в добротной ливрее и фуражке с галунами. Одного взгляда на человека в ливрее было ей достаточно, чтобы понять, что санаторий, куда она направляется, должен отличаться особым комфортом.

Он попросил у нее багажную квитанцию и указал на желтый кабриолет.

– Вещи получите прямо в санатории, а сейчас поспешите, успеете прямо к ужину.

Следуя его указаниям, она направилась к каменистой площадке, где, понурив головы, стояли запряженные гнедые.

– Элен Дьяконофф? – Вытянув шею, возница повертел головой, будто ждал еще кого-то. – Вы одна? – удивленно пробормотал он.

– Теперь с вами.

Возница вдруг весело сверкнул белоснежными зубами.

– Такая юная и такая смелая. Правду говорят, что русские девушки – самые смелые. У нас вам понравится, обязательно поправится, – зачастил он и с удовольствием отметил, как

недовольное выражение на ее лице сменила благодарная улыбка. – Присаживайтесь, домчу вас в момент.

Он открыл дверцу. Расстегнув верхние пуговицы манто, она откинулась на спинку сиденья и, прикрыв глаза, застыла в неподвижности.

– Вам плохо?

– Нет, нет… Не знаю. Странно как-то. Голова кружится.

Ее голос – ровный и музыкальный – снова вызвал на лице возницы доброжелательную улыбку.

– Это от нашего воздуха. Поначалу многим здешний воздух кажется странным. Потом привыкают. Впервые у нас?.. – спросил он, чтобы успокоить ее разговором. На его взгляд, эта хрупкая девушка нуждалась в его поддержке. – В вашем возрасте очень многое впервые. Но все же смею предположить – дальние поездки для вас не внове. Где-то до нас вы… – он хотел сказать «лечились», но выбрал нейтральное слово «бывали». – Где-то до нас бывали?

– Мне нравится отдыхать на море, – серьезно ответила Галя. – Я люблю море и горы. Почти каждое лето мама снимает дом на берегу моря. В Ялте у нас есть любимое место. Но сейчас в Крыму слишком холодно и влажно, шквалистые ветра. А здесь бывает сильный ветер?

– Не беспокойтесь, у нас хороший климат. Не даром же со всего света приезжают: из Австрии, Дании, Германии… Из России тоже.

– Надеюсь, мне здесь понравится.

Он закрыл дверцу, но успел заметить на ее лице мимолетную улыбку.

Возница покачал головой, она не была похожа на обычных больных: не было в ней печати обреченности, что чаще всего угадывалась на лицах больных туберкулезом; девушка несла в себе какую-то потаенную радость. Как будто впереди у нее не долгие томительные и скучные в своем однообразии дни, а удивительные приключения, сулящие волшебные открытия.

II

– К тебе можно?

Галя оторвала взгляд от книги. На пороге стояла Лида. Будущая наследница купеческих миллионов была первым человеком, с которым Галя познакомилась в санатории. Лида стала для Гали наставницей, введшей ее в тесный мирок жизни этого прибежища для больных чахоткой, расположившегося посреди хвойного леса на заснеженной вершине.

Альпийский санаторий своей отделенностью от большого мира был похож на роскошный лайнер, бороздящий просторы океана, а пациенты – на пассажиров, проводящих время в роскоши, пока не достигнут долгожданного конечного пункта – выздоровления. Этой цели в санатории было подчинено все. Подъем в восемь утра, прием обильной калорийной пищи, долгие прогулки, дневной сон на открытой террасе. Ровно в десять все пациенты должны быть в своих комнатах. Снимаются последние показания термометров, выключается свет и наступает ночной отдых. Отдых, как и усиленное питание и насыщенный кислородом воздух, – главное условие успешного лечения, предписанного доктором Бодмером своим пациентам. Страдания под запретом, сильные эмоции – строжайшее табу, радость дозирована редкими концертами, небольшими прогулками и изредка танцами и маскарадами.

В окружении светлых стен, в золотистом прозрачном воздухе, несущем запах формалина, спирта и хвои, лениво и вяло течет время. Тишина, словно паутина, немыслимая в этом стерильном пространстве, опутывает все вокруг. Еле слышное тиканье висящих в холле настенных часов, с каждой секундой откусывающих кроху от вечности, скорее усыпляет сознание, нежели напоминает о необходимости действовать. Остается только предаваться грезам. Русские девушки делают это с упоением. Галя погружается в чтение, Лида поглощена своими мечтами.

В первый же день знакомства, хотя поблизости никого не было, Лида приблизила свои полные сухие губы к уху новой приятельницы и поведала свою «страшную тайну». В далекой

провинциальной чайной столице ждет ее возвращения тайный жених. Сообщив об этом, она потащила Галю в свою комнату и, достав объемную, обвязанную розовой ленточкой пачку, заговорщически прошептала:

– Это от него.

И тут же, будто стесняясь своей переписки, спрятала письма обратно в стол и начала показывать ей фотографии: причудливый двухэтажный дом, похожий на инкрустированную шкатулку, серьезные лица, отмеченные общими с Лидой фамильными чертами – крупным носом, светлыми до прозрачности круглыми глазами, большим ртом.

– Папа, брат, кузен, тетя… Это служащие управления. – По особой интонации, по тому, как дрогнула ее рука, Галя поняла, что последний снимок она должна разглядывать с особым тщанием.

– Этот?.. Ах, какие у него чудные глаза. Это твой? – Наобум Галя указала на молодого человека в первом ряду с вьющимися непослушными волосами и смелым взглядом. Лицо Лиды вдруг пошло пятнами, крупные зубы прикусили губу, а Галя, как будто не заметив ее волнения, небрежно отложила карточку.

– Как ты знаешь?

Галя пожала плечами.

– Нет, ты скажи! Почему ты указала на Мишеньку?

– Очень интересный молодой человек. Невооруженным взглядом видно, вы созданы друг для друга.

Лида не угадала иронии, и вскользь брошенная фраза стала для Гали проклятьем. С того времени Лида буквально не отходила от нее. За обедом они сидели за одним столом, их кровати во время послеобеденного отдыха стояли на расстоянии локтя. Куда бы Галя ни пошла, Лида, как на поводке, следовала за ней: на террасу, в библиотеку, в зимний сад. И говорила, говорила, с наслаждением выплескивая слова.

Сначала Галя пыталась поддерживать разговор, но вскоре поняла, что это совсем необязательно. Она слышала ее бормотание, не слушая; они были рядом и в то же время далеко друг от друга, погруженные каждая в свои мысли.

*** * ***

В два шага Лида преодолела расстояние от двери до стула, села. В льющемся из окна ярком свете она выглядела особенно бледной. Зеленые глаза затянуло ряской, впадины щек стали глубже, скулы заострились. В ней не осталось ничего похожего на то наивно-восторженное создание, каким Галя ее знала с первых дней их знакомства. Еще за завтраком Лида казалась веселой и беззаботной, болтала о скорой поездке домой и своем отложенном до выздоровления замужестве.

– Ты слышишь? – спросила Лида шепотом и скрестила ладони на своей груди. Лучи солнца заиграли гранями аметиста на перстне. Галя невольно отметила, что этот перстень она видит впервые, до этого безымянный палец левой руки подруги украшало тоненькое колечко с камушком из бирюзы, вероятно, незатейливым подарком небогатого жениха. – Ты слышишь? – повторила она так же тихо.

– Что я должна услышать? – ответила Галя, стараясь придать голосу теплые оттенки.

– Тук-тук-тук. Трам-там-там. Трах-бабах. И снова… И опять…

Галя прислушалась. Кроме шумного дыхания Лиды – ничего, ни единого звука.

– Я ничего не слышу.

Лида подошла вплотную, присела перед ней, положила свои руки ей на колени.

– А теперь? Неужто ты ничего не слышишь? Не чувствуешь?

– Ничего, – ответила Галя, не отрывая взгляда от ее бледного, будто выстиранного с щелоком лица.

– Ты не слышишь? Моя самая близкая подруга! Не обманывай. Ты должна слышать. У меня такое чувство, что мое сердце как мяч. Большой, горячий. Таким мячом, мы играли в детстве. Подбросишь – мяч бух о стенку, гулко так, громко. Тук, тук, тук.

– Я не понимаю тебя.

– Я себя тоже не понимаю. Я вообще больше ничего не понимаю.

Лида встала с колен и быстрым шагом пошла к выходу. Некоторое время она постояла перед закрытой дверью.

Лида вдруг резко обернулась. В лице решительность – будто перед прыжком.

– Кузина прислала открытку. Хочешь посмотреть?

Порывистым движением она достала из кармана плоский прямоугольник картона, протянула Гале.

На открытке были изображены два херувима, держащие в руках золотистый свиток с надписью «Желаем счастья».

– Миленько, – выдавила из себя Галя.

– Прочти.

– Послание на французском?

Лида перевернула открытку, и Галя заметила, что текст написан по-русски.

– С каких пор ты перестала понимать кириллицу?

– Я не читаю чужих писем, – раздраженно сказала она.

– Не говори так! Ты не чужая, ты посвященная. Читай! Пожалуйста…

Галя пробежала глазами по строкам. Ничего необычного, стандартное послание от родственницы. Кто-то вышел замуж, кто-то отправился в путешествие. И подпись: «Целую, обнимаю, любящая тебя твоя кузина Лера, отныне и вовеки Левицкая».

– Разве можно так? – Лида выхватила открытку и вдруг одним движением разорвала пополам, бросила под ноги, начала топтать. – Ложь, ложь, ложь… Кругом одна ложь! Как она могла со мной так поступить! – кричала она. В этом яростном крике слышалось желание избавиться от переполняющей ее боли, необходимость протеста. Лида неистово, как беспомощный в гневе ребенок, топала ногами и продолжала кричать, – Это несправедливо. Нечестно. Что мне теперь делать? Как жить? Я сойду с ума… Помоги мне. Помоги!

Чтобы избавиться от неловкости и прекратить ее истерику, Галя привлекла Лиду к себе и ощутила, как гулко и часто, с перебоями бьется ее сердце.

– Я слышу, Лида, слышу, – торопливо заговорила она, – я слышу, как стучит твое сердце. Тук-тук-тук-тук… Да-да, наверное, как детский мячик.

– Не могу я так больше, не могу…

По впалым щекам одна за другой покатились крупные слезы, нос распух и покраснел, отчего Лида стала похожа на грустного клоуна.

– Давай не будем плакать, – с чувством превосходства спокойного человека сказала Галя. – Я тебя провожу в твою комнату. И не волнуйся, это вредно. Успокойся, пожалуйста.

– Да-да… Успокоиться?.. Да-да… – Губы Лиды еще дрожали, но поток слез иссяк. – Я успокоюсь. Да-да… несомненно. Я чувствую, я успокоюсь… Нетрудно, совсем нетрудно. Спокойна, я совсем спокойна. Что случилось? Совсем ничего… ничегошеньки. Я тут, она там. Пусть будет так, как будет. Я ни при чем. Кто меня, больную, станет спрашивать?..

Это невнятное бормотание вывело Галю из себя.

– Что случилось-то, расскажи толком? То ревешь белугой, то блеешь овцой. Ничего не поймешь.

– Не поймешь… Ты не поймешь. Я тебе доверилась, а ты… Ты такая же, как они! – Глаза Лиды вспыхнули гневом. – Вы все меня предали, все, все, все… Не хочу тебя видеть больше. Никогда! Ты тоже свой нечистый глаз на Мишеля положила, угадала, кто на фотографии самый лучший. Я здесь почти год и никому не нужна. А ты только приехала, и все мужчины вокруг

тебя, как пчелы на мед. Как будто я не заметила, как мсье Жилетт тебе глазки строит, все норовит то ручку подать, то за локоток поддержать. И молодой француз… как его? Мамаша все рядом с ним квохчет… Только на тебя и пялится, вот-вот дырку протрет. Ты – ведьма, хоть и ангелом прикидываешься. Ненавижу тебя больше всех, ненавижу.

Как только дверь с шумом захлопнулась, Галю охватили нестерпимая тоска и желание скрыться, убежать, закрыться от ощущения угрозы. В ее груди словно встала стена, и она не могла набрать достаточно воздуха, чтобы восстановить дыхание. Она задыхалась. Ее спина, грудь, лицо мгновенно покрылись потом, и она почувствовала ненависть к Лиде, которая своей истерикой вызвала этот приступ, к себе, к своему телу, к Богу, который допускает страдания.

* * *

После экстренного вызова дежурной сестры ей назначили постельный режим. Пять раз в день прямо в комнату на подносе ей приносили еду, после завтрака и перед сном ее посещал врач. Не забывали ее и соотечественники. За две недели, проведенные в постели, она перезнакомилась со всем русским женским населением санатория. Только Лида не была у нее ни разу. Когда Гале разрешили снова спуститься в столовую, соседний стул справа от нее был не занят.

Сначала Галя испытывала некоторую неловкость – об их размолвке с Лидой, вероятно, все знали – но смущение истаяло после первой перемены блюд. Разве она повинна, что у Лиды, как она поняла из общего разговора за столом, резко ухудшилось состояние? Навестить больную в ее комнате Гале не хватало решимости. Она не находила в себе сил вновь увидеть ее круглые, наполняющиеся слезами глаза, распухший от слез нос, полные потрескавшиеся губы. Она помнила, как горели ненавистью глаза Лиды, с какой силой она выталкивала несправедливые слова. Самое главное – Галя винила ее за то, что та спровоцировала рецидив ее болезни. И пусть говорят, что почти все вновь прибывшие первое время чувствуют себя плохо, но Галя знала: виной обострения ее болезни была не смена климата, а ненависть, которой незаслуженно опалила ее Лида.

Ненужная Гале связь оборвалась. И в первое время она даже чувствовала некое чувство освобождения. Подчинившись распорядку дня в санатории, она привычно скучала: обменивалась книгами с Ниной Павловной – зажиточной мещанкой из Пскова, слушала музицирование на рояле Вари – выпускницы Смольного института, участвовала в партиях в бридж с супружеской четой Мечковых и пожилым горным инженером Пахомовым. Большую часть времени она проводила за чтением книг или в полудреме во время многочасовых «прогулок» на террасе, которые состояли в лежании на кровати, завернутой в кокон шерстяных пледов.

* * *

После второго завтрака Галя устроилась в укромном уголке малой гостиной. Кадка с кустом чайной розы укрывала ее от любопытных глаз. Поодаль две женщины вели неторопливый разговор. Одна фраза привлекла ее внимание.

– Эти русские настоящие сумасшедшие.

Оторвав взгляд от страницы, Галя прислушалась. Один из голосов она узнала – он принадлежал старшей медсестре фрау Бель. Говорила та всегда с удовольствием, будто смакуя каждое слово.

– В России ужасный климат, все время холод до костей пробирает, и снег. Нет снега, идет дождь. Говорят, даже столица у них на болоте стоит. Дикая страна. Вы со мной согласны, мадам Грендель? – обратилась фрау Бель к собеседнице.

– Дикая страна и дикие люди, – согласилась та с ней. – Как вы думаете, фрау Бель, зачем она это сделала?

– Кто ее поймет? Кто вообще поймет этих русских? Вроде бы с первого взгляда – вполне приличная девушка. Молодая, правда, слишком молодая.

В санатории русских было человек пятнадцать, но самой молодой, несомненно, была она, Галя. Неужто эти две грымзы обсуждают ее? Галя положила книгу себе на колени, заложив страницу, где она остановилась, собственной ладонью, прислушалась.

– В молодости разные глупости на ум приходят. Молодо-зелено, – продолжала старшая медсестра.

– Не могу согласиться с вами, фрау Бель. Отнюдь не у всех молодых ветер в голове. Разве моего малыша Жежена можно назвать глупым?

– Я вовсе не имела в виду вашего сына, мадам Грендель. Эжен – весьма достойный юноша.

Галя отложила книгу. Почитать можно и в другой раз, гораздо интересней узнать о молодом человеке, в мимолетных взглядах которого она уловила некоторую заинтересованность. Высокий, худощавый, с покатыми узкими плечами, он выделялся среди постояльцев санатория не только своей юностью, но особыми мягкими манерами и утонченной элегантностью. Интересно… Значит, молодого француза мамаша Грендель зовет Жежен, малыш Жежен. Галя снисходительно улыбнулась.

– Ваш сын, я вижу, много читает. И рисует? Я заметила, он что-то черкает в блокноте, – продолжала разговор фрау Бель.

– Что поделать, сынок скучает. Если б нам с мужем Господь дал еще дочь, я бы научила ее шить, вышивать. До того как мсье Грендель занялся недвижимостью, я неплохо на шитье зарабатывала. У нас была своя мастерская, мы нанимали работниц. Малыш Жежен родился у нас, когда в доме появился достаток, и мне не надо было работать. Увы, крепким здоровьем Господь сыночка не наделил. Жежен у нас слабенький. Когда ему было два годика, чуть не умер от менингита. С тех пор постоянные ангины, головные боли. Намучились мы с ним, ужас.

– Может от книг у него голова болит? Я заметила, ваш сын постоянно с книжкой.

– Я разделяю вашу тревогу, фрау Бель, Жежен слишком много читает. Увы, без занятий малыш томится. Мало того, что ни дня не может без книжки, он еще и стихи сочинять пробует. Эжен кое-что читал мне свое, признаться, я плохо понимаю во всем этом.

– Стихи в юном возрасте, как корь. Сколько вашему сыну, мадам Грендель, шестнадцать?

– Семнадцать четырнадцатого декабря исполнилось.

– Большой мальчик. В университет готовится?

– Жежену университет ни к чему. Мой муж, я вам уже говорила, владелец собственного агентства, занимается продажей земельных участков. Дело приносит хороший доход. Со временем, когда мой муж уйдет на покой, все дело перейдет в руки сына. Мы с мужем планировали, что в этом году Жежен начнет знакомиться с делами, но, увы… Как говорится, человек предполагает, а Господь располагает. В августе мы отдыхали с моим мальчиком в Глионе. Вам, фрау Бель, наверняка известен этот курорт в горах Монтре… Врачи нам сказали, горный воздух полезен для крови, но Жежен простудился, начал кашлять. Я так напугалась, когда на его носовом платке заметила кровь. Что со мной было, что было…

Гале показалось, что мадам Грендель всхлипнула.

– Болезнь у вашего сына, мадам Грендель, в легкой форме. У нас тысячи пациентов с гораздо худшими показаниями выздоравливали. – Голос старшей медсестры звучал профессионально бодро. – Вы же знаете высокую репутацию нашего санатория.

– А как же молоденькая русская? С ней все будет в порядке?

Галя насторожилась. Неужели кумушки будут обсуждать состояние ее здоровья?

– Не знаете, почему русские, да еще девушки, одни, без присмотра родителей? – продолжала мадам Грендель. – Вот были бы мать или отец рядом, не допустили бы подобного.

– Сумасшедшая, настоящая сумасшедшая.

– Что на нее нашло?

– Не знаю. Вроде бы казалась нормальной. А тут… Видели бы вы ее комнату. Все вверх ногами, кругом клочки бумаги, пепел. Запах – как в аду.

У Гали защемило сердце. Она догадалась – речь о Лиде. Вероятно, раздосадованная известием о счастливой беззаботной жизни кузины, Лида решила прямо в своей комнате устроить костер из собственной переписки. Запах дыма вовремя учуяла ночная сиделка, дежурившая на этаже. Это происшествие вот уже несколько дней обсуждали постояльцы санатория.

– Вы, мадам Грендель, за сыном хорошо присматривайте. У нас, понятное дело, распорядок строгий, за нравственностью мы следим. Но все же… Слишком однообразно течет время. Как бы от скуки чего не произошло. Дело молодое. Никогда нельзя понять, что у этих русских в голове. – в голосе фрау Бель звучало осуждение.

– Зачем она так? Хорошо, что никто больше не пострадал. Куда эта сумасшедшая русская делась? Что-то я не вижу ее? Может, ее вниз, в больницу спустили?

– Мне ничего не известно. Я только за свою работу отвечаю. Остальное не в моей компетенции, – слишком резко произнесла фрау Бель.

– Может, так правильно, – успокаивающе заметила мадам Грендель. – Главное, чтоб каждый свое дело знал. Здесь у вас хорошо, – перевела она стрелки разговора на безопасный путь. – В детстве я и не мечтала жить в такой роскоши. Санаторий ваш один из самых лучших, так? Но если честно, хотелось бы поскорей домой. Надо бы кое-что прикупить. Совсем недавно муж приобрел новую квартиру. Малыш Жежен еще там не бывал. Но я уверена, новое место ему понравится, обязательно понравится. Зимой в новой квартирке ему будет неплохо, но, дай Бог, к маю мы переедем за город, будем жить в Олиэ-су-Буа. У нас кроме городской квартиры есть еще свой дом с садом. Видели бы вы, фрау Бель, какие у меня клематисы – настоящий райский уголок.

– Вам повезло, мадам Грендель. К весне вы обязательно вернетесь к своему саду, к своим цветам. Эжен, я уверена, скоро привыкнет к здешнему распорядку, найдет себе компанию.

– Нет, нет, я вернусь домой только вместе с сыном. Мне совсем не хочется, чтоб с ним случилось то же, что с русской.

– Ну что вы такое говорите, мадам Грендель. Эти русские такие непредсказуемые…

Голоса то стихали, то вновь становились громче. Больше всего говорила постоялица, старшая сестра чаще поддакивала в ответ. Наконец, раздались звуки отодвигаемых стульев, шелест подолов.

Некоторое время Галя оставалась на месте, затем вышла из своего укрытия и тут же лицом к лицу столкнулась со старшей медсестрой.

– Я вас обыскалась. Где вы были, фройляйн Дьяконова? Нарушаете режим. Сейчас, сами знаете, время прогулки. Вы должны быть на террасе, – сухо сказала фрау Бель, всем своим видом выражая недовольство.

Ни слова не говоря, Галя развернулась и, придерживая книгу под мышкой, стала подниматься по лестнице. Нужно забыть обиды и навестить Лиду, решила она. Наверняка ей плохо от всеобщего осуждения. Пусть эта глупышка кричит и топает ногами, пусть устраивает костер из собственной переписки, Галя ни слова не скажет ей в упрек.

– Книгу можете взять с собой на террасу, – донеслось ей вслед, но Галя только прибавила шаг.

Она остановилась перед комнатой, которую занимала Лида. Несколько помешкав, постучала, но ауг же, не дождавшись ответа, распахнула дверь.

Занавеси с окон были сняты и валялись грудой на полу. Постель разобрана, створки шифоньера распахнуты настежь. Пахло, как поздней осенью: сыростью, щелоком и дымком.

Откуда-то из угла послышался шорох, затем над кроватью показалась голова в белом чепце и ауг же скрылась.

– Эй, кто там? – позвала Галя.

Перед ней возникла девушка в фартуке, с подоткнутым подолом юбки. Круглое лицо полыхало здоровым румянцем, руки спрятаны в карманы. Пациенты называли ее Кисой за глупые зелено-желтые глаза и мягкую поступь. В ее обязанности входило прибирать в комнатах третьего этажа.

– Тут нельзя, фройляйн. Будьте любезны, пройдите к себе.

– Где Лида?

– Мне нужно еще много чего сделать. И вообще… Спуститесь на террасу, будьте любезны. Не место вам здесь…

Галя нахмурилась. В еле заметной заискивающей интонации и виноватом выражении лица ей почудилось некоторое смущение.

– Что ж… Раз заняты, не буду мешать. Пойду…

Галя прикрыла за собой дверь, с минуту постояла за порогом, затем вихрем влетела в комнату. Киса стояла, вытянув перед собой ладонь, явно любуясь колечком на своем пальце.

– Ой! – Ладонь вмиг сжалась в кулак и скрылась в кармане.

– Покажи, покажи! – Галя силой вытянула ее руку из кармана. Она заметила колечко с бирюзой, которое до недавнего времени украшало безымянный палец Лиды. – Откуда это у тебя?

– Так… просто… Это совсем не то, что вы думаете. – Киса готова была расплакаться.

– Кольцо не твое, я знаю. Чужие вещи брать – знаешь, как это называется? Знаешь?

Киса мигом сорвала колечко со своего пальца, протянула Гале.

– Берите, если вам нужно, берите. Пусть будет у вас, пусть. Только ничего фрау Бель не говорите.

Галя оттолкнула ее руку.

– Мне чужого не нужно. Чье кольцо, я знаю. Его Лиде жених подарил. Где Лида, говори! Что с ней? В столовую она не спускается, на террасе ее тоже нет, в последнее время я вообще ее не встречаю.

– Фрау Гребешкофф уехала. Совсем уехала. Далеко. Домой. Колечко она мне еще на той неделе отдала. Не говорите только фрау Бель. Подарки нам от больных не положено брать. Если узнает старшая сестра, у меня будут неприятности.

Галя подошла к распахнутому настежь шифоньеру. Большинство деревянных вешал были пусты, только на двух еще болтались платья. У стены одни на другой были сложены перетянутые кожаными ремнями чемоданы. Еще один, с откинутой крышкой, будто зевая, стоял поодаль.

– А чемоданы чьи? Как же Лида уехала домой без своих вещей? – Галя сняла с вешала палевое шерстяное платье. – Вот это Лида часто надевала, а вот в этом… – Шелковый подол сквозняком коснулся ее кожи. – Это платье я сама примеряла. Нет, розовый цвет мне не правится. Мне к лицу зеленое.

Галя наклонилась над открытым чемоданом. Из его недр она вытянула цвета малахита платье, приложила к себе, подошла к зеркалу.

– Действительно, вам замечательно подходит этот цвет.

Вздрогнув, Галя оглянулась. Подперев косяк широкой спиной, перед ней стоял высокий мужчина в накинутой на плечи шубе. Он был немного неуклюж, с лысой, как бильярдный шар, головой, по так обаятелен, что местные женщины буквально вились вокруг него, как мошки перед дождем.

Они не в первый раз видели друг друга, может быть, раз или два обменивались репликами при встрече. Галя отчаянно пыталась вспомнить его имя, но в памяти возникла лишь витрина московского магазина с вывеской над входом «Для мужчин», она помнила, что его фамилия каким-то образом связана с одеждой.

– Мсье Жилетт, здравствуйте, – с облегчением выдохнула Киса.

– Добрый денек, моя милочка. Вот вы где. Хорошо, что я вас нашел. Завтра утром у меня поезд. Врачи вынесли вердикт – бациллам полный капут, в поединке с многочисленными врагами защитники моего организма одержали сокрушительную победу. – Говорил он по-французски, и после немецкого, на котором говорили почти все в санатории, его речь звучала по-особенному бархатно, мягко. – Хотелось бы напоследок прогуляться. Сей воздух для меня целебный. Поедемте-ка, милая, кататься со мной.

– Я бы… хорошо… с уважением, только… нет, не могу, никак не могу. Очень хочу, но никак. Надо срочно комнату готовить. И вообще… С больными – нет, нельзя, инструкция… – зачастила на ломаном французском Киса.

– Освободилось, значит, помещение. – Мсье Жилетт, хмыкнув, покивал головой.

– Ага, с утра прибираю.

– Быстренько у вас тут дела делаются. Значит, завтра за мое временное пристанище возьметесь. Будете скоблить, выветривать, чтоб и духа от меня не осталось. Небось, забудешь меня сразу, как только стены с мылом вымоешь.

– Что вы такое говорите! – Возмутилась Киса. – О вас, мсье Жилетт, мы будем помнить всегда. Вы такой милый.

– Верю, верю. Помнить будешь. Пойди сюда, красавица. На прощанье я принес тебе кое-что.

Правой рукой он обнял ее широким собственническим жестом, левая опустилась в карман ее фартука.

Киса отступила на шаг, испуганно посмотрела в сторону Гали. – Вот видите, я ни при чем, сами дарят.

– Почему бы и нет? Отчего не уважить милую девушку? Имя, фамилию забудешь, а взглянешь на часики и, может быть, кое-что вспомнишь. А?.. – он заговорщически подмигнул. Киса, зардевшись, прыснула.

Галя чувствовала себя лишней, но продолжала стоять на месте, в смущении комкая в руках Лидино платье.

– Осторожней с шелком.

Его глаза вспыхнули задорными искорками. С обаянием всепрощающего духовника он окинул ее взглядом, отметив взятые под гребень темные волосы, очерчивающие ее изящный овал лица.

– Меня зовут Марсель, – представился он.

Гале ничего не оставалось, как пожать его протянутую руку.

– Я зашла выяснить, где моя подруга, – сказала она, как будто извиняясь.

Легкая тень пробежала по его лицу, но тут же на его полных губах мелькнула улыбка.

– Могу я милую мадемуазель… или как правильно по-русски?.. О, вспомнил! Барышня.

– Просто Галя.

– Гал***а***… Как раз по моему настроению. Замечательное у вас имя, мадемуазель. Gala – по-французски праздник. А у меня сегодня как раз этот самый праздник и есть. Слышали? Завтра я отправляюсь домой.

– Поздравляю. Значит, вы полностью выздоровели?

Глаза его блеснули, как будто он только что вытянул из колоды козырную карту, и самодовольно рассмеялся.

– Абсолютнейшим образом. Может, я бы задержался в этом благословенном месте да еще в такой замечательной компании, но надо и честь знать. Уж больше года я в этих краях обитаю.

– Больше года, – эхом повторила Галя и тут же почувствовала, как его твердые пальцы легко сжали ее локоть.

– Не будет ли столь любезна милая Гала составить компанию зрелому джентльмену. Это ж вполне по-русски – катания по снегу. Сани готовы, лошади в нетерпении бьют копытами. К тому же сейчас самое время для прогулки. Наше отсутствие никто не заметит.

– Как же так сразу… Я прямо не знаю…

Галя бросила взгляд на распахнутый чемодан, где поверх груды одежды, распластавшись, лежало зеленое шелковое платье. Скорее всего, Лида отправилась налегке, вещи ее пошлют вдогонку. Что особенного? Лида, как и мсье Жилетт, выздоровела. Марсель подарил горничной часы, Лида – колечко, – думала она, уже мысленно предвкушая прогулку: ощущение скорости, покалывание морозца на своей коже, поднимающуюся глубинную радость, расцвеченную улыбкой.

* * *

Лишь только они выехали из-за ограды санатория, как солнце затянуло низкой тучей, хлопьями повалил снег. Галя поймала рукой воздушный клубок снежинок, сжала пальцами, лизнула влажную ладонь.

– Как вам чужбина на вкус? – спросил Марсель, заглядывая ей в лицо.

Она пожала плечами, спрятала руки в рукава.

Снегопад прекратился, и солнце, будто вытертое от пыли влажной тряпкой, засияло особенно ярко. Они почти не разговаривали. Дорога виляла в коридоре елей. Лесной массив сменился открытым пространством. Справа показались крыши домов, из труб серпантином вился дымок. Начали встречаться местные жители, туристы в ярких прогулочных костюмах, лыжники.

Марсель что-то крикнул вознице – Галя, ослепшая от яркого солнца, опьяневшая от скорости, как будто очнулась.

– Возвращаемся?

– Обязательно. Только сначала надо бы подогреться. Пусть нынешний воздух целебный, но и морозец сегодня хорош. Заглянем кое-куда, глинтвейну закажем. Подогретое вино с пряностями – для нас сейчас лучше не придумаешь. Будьте любезны – не возражайте. Многоуважаемый доктор Бодмер, сами знаете, красное вино одобряет. И вообще, старших надо слушаться.

Лошади перешли на рысь. Теперь они ехали вдоль выстроившихся в шеренгу деревянных домов под покатыми крышами и остановились перед крыльцом двухэтажного дома с высоким крыльцом. Гирлянды из еловых ветвей, увитых золотистыми и серебряными нитями, яркими шарами, красными и голубыми бантами, украшали фронтон.

– Похоже, тут продолжают отмечать Рождество, – озираясь, сказала Галя.

– Здесь каждый день праздник. Войдемте.

Звякнул входной колокольчик. Они как будто очутились внутри видавшей виды шкатулки. Занавеси, диваны, кресла – кругом поблекший, с залысинами потертостей бархат. Помещение было наполовину заполнено. Люди, по большей части мужчины, потягивали пиво, разговаривали. Молодая женщина с ярко-рыжими волосами и алым, будто в крови, ртом, скрестив на груди руки, следила, как четверо мужчин в углу играли в кости.

Марсель потянул Галю к пустой стойке бара. Опустив голову, Галя последовала за ним. Весь ее облик выражал растерянность и чуть ли не испуг. Посмеиваясь, Марсель оседлал высокий табурет. Галя остановилась в нерешительности. Она никогда не была в подобных заведениях и чувствовала себя неуютно.

– Не тушуйтесь, барышня, вы не у тетушки в гостях. Здесь вас никто не знает, да и вам ни до кого нет дела, – сказал он и, глядя поверх ее головы, крикнул: – Гарсон, глинтвейну кувшин и две кружки.

Галя сидела на краешке табурета, вжав голову в плечи, и время от времени неуверенно озиралась вокруг. Марсель наполнил кружки и одну из них подал ей. Галя вздрогнула, словно

очнувшись от глубокой задумчивости, и медленно протянула руку. Глинтвейн оказался терпким и пряным, а главное, горячим – именно таким, какой сейчас ей было нужно. Большими глотками Галя выпила всю кружку, и тут же она вновь оказалась наполненной. Кто-то поманил Марселя из другого конца зала – как оказалось, рыжая женщина с алыми губами.

Глядя ему вслед, Галя подняла голову, и ей показалось, что все глаза находящихся в зале мужчин впились в нее: разговоры смолкли, игра в карты прекратилась. «А ведь я красивей всех женщин, что бывают здесь, – подумалось ей, – или, может быть, моложе. Наверное, они считают меня особенной». И эту мысль, выразившуюся у нее в лице, прочел молодой парень с пшеничной челкой на лбу, что сидел к ней лицом. Его тусклые глаза обрели блеск, лицо как будто ожило. Он встал, прошел куда-то в глубь зала. Заиграла музыка.

Галя сделала движение – точно ей хотелось соскользнуть с табурета, выскочить из обитого бархатом пространства, глотнуть отрезвляющего морозного воздуха, но светлоглазый блондин уже поймал ее за руку. Она попыталась возразить, но ее губы сами собой растянулись в улыбку. Парнишка был хорош: идеальной формы брови, чистый открытый взгляд голубых глаз под темными ресницами. Он мягко перехватил ее кисть так, что ее ладонь оказалась на его ладони, потянул, повел за собой. Другие пары тоже затоптались рядом. Граммофон гремел, ее ноги двигались сами собой. Галя чувствовала его горячие потные ладони, одну – своей рукой, другую на талии. Время от времени он что-то выкрикивал, но она не понимала его слов и только улыбалась в ответ. Ее трогала его галантная сдержанность, с которой он стыдливо вспыхивал, как только его нога в грубой штанине касалась ее ноги под подолом шерстяной юбки. Он танцевал, улыбаясь, и наконец она поняла, что он говорит: «Как странно видеть такую девушку здесь… Таких девушек здесь не встретишь…» Галя кружилась в его целомудренном объятии, всей своей женской сущностью ощущая, что приводит его в трепет. Что это, обман зрения или в уголке его глаза заблестела слеза?

Пластинка закончилась, они молча, не отрываясь друг от друга, застыли посреди зала, потом заиграла следующая, они снова начали танцевать. Теснее обняв друг друга, они скользили по отполированному до пролысин крашенному коричневой краской полу, по инерции сделав несколько поворотов после окончания мелодии.

– Ну что ж, нам пора. – Марсель одним движением оттеснил тяжело дышавшего парня и повел Галю к выходу. Уже в гардеробной, опуская руки в рукава протянутой шубы, она кинула взгляд в зал. Ее недавний партнер вскинул руку в прощальном жесте. Он смотрел на нее, но взгляд его уже был тускл, во всем его облике – не сожаление или печаль утраты, но холодная отстраненность. Еще недавно они были единым целым, парой, сейчас же между ними пролегла пропасть отчуждения.

Исчез из виду дом с праздничной гирляндой, осталась позади деревенька. Полозья саней легко скользили по заснеженной дороге, отороченной по бокам мохнатыми елями. Посеревшее в сумерках небо казалось таким низким, что казалось, протяни руку – коснешься кончиками пальцев.

– Вы, Гала, очень интересная девушка. Жаль, что мне завтра уезжать. Хотелось бы узнать вас поближе.

Широким жестом Марсель обхватил ее за спину, прижал к себе: на близком расстоянии в его дыхании чувствовался алкоголь – не легкий, как от вина, другой, вероятно, он пил нечто крепче, чем глинтвейн.

– Может, подаришь мне праздник напоследок, Gala?

Она увидела его потемневшие глаза прямо перед собой, инстинктивно дернула головой в сторону и тут же почувствовала, как его мягкие теплые губы, коснувшись ее шеи, обхватили нежную мочку ее уха. Она слышала его учащенное дыхание, ощущала влагу его скользких губ и вдруг начала дрожать, как скаковая лошадь перед забегом, – она чувствовала, как в ней

поднимается странное, неведомо откуда взявшееся возбуждение и в то же время необоримое отвращение. Вытянув перед собой руки, она оперлась о его грудь, оттолкнула.

– Как вы смеете!

Он отстранился от нее. Галя видела его лицо: застывшее, как поверхность пруда за ледяной толщей, и только пунцовые губы кривились в едкой усмешке.

Галя почувствовала себя неуютно. Зачем она здесь? Почему этот для нее чужой человек рядом? Все показалось ей нелепым: санная прогулка, танец с местным парнем, странный будоражащий поцелуй… Она притронулась рукой к прохладной мочке своего уха. Отчего-то ей вспомнилась женщина с яркими, будто измазанными кровью губами.

– Кем вам приходится женщина, с которой вы разговаривали там? – Она махнула рукой куда-то в сторону.

– Вы это о ком? – неожиданно бодро подхватил разговор Марсель.

– Ну та, в таверне.

– Ах, вы о Мисси? Я не думал, что застану ее. Мы… ну как вам, барышня, сказать… мы просто знакомые. Кстати, Мисси тоже русская. Лечилась где-то здесь поблизости, а как выздоровела, не нашла в себе силы вернуться домой.

– Как так?

– Очень просто. Думаете, мне не страшно возвращаться? В этих горах жизнь воспринимается совсем иначе, чем там, внизу. Мы начинаем относиться к своей особе, к своей уникальной жизни как к чему-то ценному. Тот, кто смотрел в глаза смерти, не будет цепляться за всякие условности, предписанные обществом. Пока живешь здесь, обретаешь умиротворенность. Всякую малую радость воспринимаешь как дар небес. – Он посмотрел на нее глубоким, обволакивающим взглядом. У нее достало смелости не отвести глаз. – Я восхищался вами, пока вы танцевали. Танец – это как заниматься любовью: либо отдаешься полностью, либо не получаешь удовольствия. – Приблизив свое лицо к ее лицу, он прошептал, перейдя на тот интимный, доверительный тон, что сделал его переход на «ты» вполне естественным. – Мы с тобой из одной стаи.

– Достаточно на сегодня пошлостей, – передернула она плечом, но ее ярко блестящие, будто отражающие свет луны глаза говорили о заинтересованности.

– Разве тебе не хочется наслаждаться жизнью в полной мере?! Я же вижу, что ты не из тех, кто смиряется. И не дура, чтобы выдувать мыльные пузыри. Иллюзии – те же пузыри с красивой, играющей всеми красками, но очень тонкой оболочкой. Бах, и нет ничего, только брызги, как от плевка.

Он смолк. По наступившей напряженной паузе она поняла, что он готовится сказать ей нечто важное.

– Ты знаешь, что стало с твоей подружкой? Как ее звали… С круглыми такими глазами, как у совы. Она еще письма домой каждый день отправляла.

– Вы о ком? О Лиде?

– Ну да, наверное, ее так звали. Лида… Лучше, если ты от меня узнаешь. Я просто хочу, чтоб ты все правильно поняла.

Галя глубоко вдохнула: лесной свежий запах окружал ее – тяжелые ветви елей, занавесями ниспадающие в темноте, источали слабый хвойный аромат. Ей вдруг вспомнились еловые ветки, следами лапок оставленные на московской утрамбованной многими ногами снежной дороге после похорон одноклассницы.

– Живешь, мучаешься, страдаешь или, наоборот, веселишься и радуешься, а потом… гвозди по деревянным доскам – и ничего, пустота, – задумчиво произнес Марсель. – Как ты думаешь, что нас ожидает после смерти?

– Лида умерла? – догадалась Галя, и все ее тело сжалось, как в ожидании боли.

– Ты верующая? Я видел на тебе крестик. Помолись за нее. Наша Лида сейчас в чистилище.

– У православных нет чистилища. Лида – наивная душа, таким уготовано место в раю, – неуверенно произнесла она. – Когда ее не стало? Почему от меня скрыли?

– Пока жив – смерти нет, а когда мертв… кто знает, что там, по ту сторону? Но я вот что хочу тебе сказать… Лида была обречена, она только передвинула стрелки часов чуть-чуть вперед. Знаешь, тут неподалеку есть горный ручей, он и зимой не замерзает. Похоже, она удрала тайком из санатория да заблудилась. Как угораздило ее свалиться в ручей – непонятно. Несколько миль в мокрой одежде – и без бацилл можно богу душу отдать. Никто не видел, как она вернулась. Утром кинулись – она без сознания. В общем, ее даже не успели в больницу отправить. Этой ночью, чтоб никто из постояльцев не увидел, ее переправили в морг.

– Лида умерла, – похолодевшими губами повторила Галя, прислушиваясь к самой себе. В ее душе, на самом дне, зародилось ощущение страха, гулкого, темного, скручивающего в спираль. Как будто поняв ее состояние, он взял ее за локоть, заставил посмотреть в свои блестящие глаза.

– Мы с тобой – из другой стаи, – повторил он чуть ли не весело. – Хочешь узнать главное лекарство от всех напастей? Незапатентованное, но помогает как ничто другое. Любовь. Да-да, не боюсь быть банальным, но это именно так. Только я не о том чувстве, что пробирает до самых печенок, нет. Игра, легкий флирт, телесные дела… Все, что помогает прогнать скуку и заставить забыть ту жизнь, – он махнул куда-то в сторону. – Главное правило выживания – научиться смаковать приятные моменты здешней жизни и на время перестать заботиться о будущем.

– Лида мечтала выйти замуж. Она доверилась мне, рассказала о своей мечте…

– Вы о Мишеле, клерке ее отца?

– Вы знаете?

– Об этом знают все.

– Он женился на другой, – вдруг сказала она, сама поразившись своему открытию. – Левицкий, Мишель Левицкий… Да-да, он женился на ее кузине.

– Понятное дело.

– Вам понятно? Он был обручен с Лидой. Своим вероломством он убил ее. Лида так его любила…

– Ты уверена? Была ли та самая неземная любовь? Может, то была игра ее воображения, тот самый мыльный пузырь? Пух – нет ничего. У тебя есть жених? – вдруг спросил он.

– Есть, – зачем-то соврала она.

– Допустим, – хмыкнул он. – Теперь попробуй сказать, какого цвета у него глаза, какой формы нос, брови. В лучшем случае ты сможешь вспомнить его фотографический портрет в рамке, что держишь, опять же, чтобы не забыть, у себя на тумбочке. Время стирает наши прошлые впечатления, как ластик карандашный набросок. Молодой мужчина предпочел поблекшим воспоминаниям реальную теплую женщину. Было бы неестественным как раз обратное.

Некоторое время они ехали в полном молчании. Затем Марсель вновь заговорил.

– Вот ты спрашивала про Мисси… Ты, наверное, догадалась, чем она занимается?.. Нет, не подумай ничего плохого, она поднимается наверх только с теми, кто ей нравится. Я думаю, что она права – женщина имеет такое же право на свободу в своих поступках, как и мужчина. А то, что ей платят за ее услуги, так надо же ей на что-то жить. Деньги легко отдавать, когда платишь за реальные ощущения. За те ощущения, которые дают радость.

– Зачем вы мне все это рассказываете? – остановила она его. – Это так пошло, грязно… Тем более Лида ушла в мир иной.

– Мне казалось, ты не умеешь лгать самой себе. Ты только что от души веселилась с молодым парнем, и совесть твоя молчала.

– Тогда я не знала о смерти Лиды.

– Или не хотела знать? Не надо лукавить. Разве тебе хочется почувствовать себя исполняющей последний долг? Согласиться на общепринятые знаки скорби? К тому же распорядком дня нашего санатория не запланированы часы на поминания.

– И все-таки… Смерть Лиды – так внезапно, так страшно.

– Мы сами творцы своих страхов. Мне кажется, нас собрали всех вместе, чтобы мы научились избегать мысли о смерти и полюбили жизнь. И вообще, как говорил великий учитель Конфуций: «Что мы можем знать о смерти, когда не знаем, что такое жизнь?». Так что, милая барышня, если тебе будет сегодня одиноко в своей стерильной постельке, поднимайся к Марселю. Я смогу поделиться некоторыми своими знаниями о жизни. Весьма интересными.

III

– Здравствуйте. Как поживаете?

– Спасибо, неплохо.

– Давайте познакомимся. Моя имя Галя. Вы Эжен?

Когда они впервые оказались лицом к лицу, он отвел взгляд, сам не зная почему. Галя смотрела, как он оглядывает ряд кроватей с постояльцами санатория, замотанными в одеяла, словно кули. Все, и она сама, даже в мыслях избегали больных называть больными; все они были постояльцами, отдыхающими, в крайнем случае пациентами, но никак не больными. Галя видела, как медсестра делает ему знаки, но Эжен, опершись о стену, со сцепленными за спиной руками, не двинулся с места. Он смотрел, как ветер метет за окном, кидая пригоршни снега в стекла зимнего сада. Ей показалось, что юноша испуган, и в то же время вся его напряженная поза, ускользающий, тревожный взгляд говорили о заинтересованности.

– Вас зовут Эжен, правильно? Эжен Грендель. Вы поэт. У меня в Москве осталась подруга, она тоже поэтесса.

– Интересно, очень интересно, – ответил он прерывающимся неуверенным голосом. – Вы тоже пишете стихи? Хотите показать?

Он протянул к ней руку, и она на некоторое мгновенье повисла в воздухе.

– Ах, вы об этом! Нет-нет, это не для стихов. – Галя поправила под мышкой блокнот. Эжен опустил руку. – Надо домой написать. От Аси как раз письмо пришло. Анастасия Цветаева – моя подруга, она пишет стихи, не я. И сестра у нее поэтесса. Настоящая, не просто так. У нее сборник уже вышел. Она была в Париже. Может, слышали? Марина Цветаева.

– Не много ли поэтесс с одной фамилией?

– Не разделяю вашей иронии. Мне не надо говорить, что поэзия – это не «поздравляю-желаю» и «розы-слезы». Вы хоть немного понимаете по-русски?

– Я читал в переводе только русскую прозу. Иван Тургенев, Федор Достоевский. Но все же мне ближе мои соотечественники.

– Хотите, я попытаюсь угадать, кто из французских писателей вам нравится?

Эжен пожал плечами, крепче сжимая за спиной корешок книги. То была «Консуэло» Жорж Санд. Роман слишком сентиментальный, чтоб быть ему интересным, но других, не прочитанных ранее книг на французском языке в местной библиотеке не нашлось.

– Попробуйте угадать, кого из писателей я считаю классиком, – сказал он с вызовом. – Не думаю, что это будет сложно.

Он надеялся, что она ничего не успела прочесть на корешке книги, которую он держал в руках, и был приятно удивлен ее ответом.

– Допустим… Вы уважаете Виктора Гюго.

Его улыбка была ей ответом.

– Угадала? Здорово! Я тоже читала «Отверженных» и «Собор Парижской богоматери». Правда, в переводе. А сейчас у вас с собой что за книга? Покажите.

Она дотронулась до его локтя.

– Сущая безделица, не стоит, – остановил он ее, не желая предстать перед явно неглупой девушкой лишенным литературного вкуса. Для нее он был поэтом. И он должен держать марку'.

– Эжен Грендель, – послышался голос медсестры, – будьте любезны, займите свое место.

– Прошу прощения. – Эжен с явным облегчением кивнул девушке и направился в другой конец зимнего сада, где находилась его кровать. Спрятав под подушку книгу, он растянулся на прохладном ложе, позволил себя укутать одеялом и закрыл глаза.

Эта русская девушка давно привлекла внимание молодого француза. Она была самой красивой девушкой в санатории. Самой красивой и самой молодой. Красота ее была необычной. В ее по-змеиному гибком, тонком теле, нежном лице с горящими углями глаз чувствовалась тайная страсть. По сравнению с другими полусонными, полуживыми обитателями, девушка была – огонь. Ее дух, казалось, просто рвался вон из тела. Движения ее были грациозными, взгляды провокационными. Только что она веселилась и вдруг вмиг становилась грустной и загадочно молчаливой. Некоторые говорили, что она сумасшедшая, другие определяли просто – русская. Эжен читал перевод на французский язык «Идиота» Достоевского. Эта молодая русская представлялась ему некоей копией Настасьи Филипповны, способной свести любого мужчину с праведного пути. В долгие, очень долгие часы бездвижных прогулок, завернутый в два верблюжьих одеяла, он позволял себе мечтать. Его воображение не знало стыда. Однажды он был свидетелем, как русская села в сани и отправилась на прогулку с мсье Жилетт, которому Эжен, не отдавая себе в этом отчета, завидовал. Эжен догадывался, для каких дел крадучись поднимается в комнату старого развратника горничная третьего этажа, с какой целью Марсель ездит в деревню. Вот и новенькая русская, за которой Эжен втайне наблюдал, не устояла перед обаянием местного ловеласа. Француз и русская отсутствовали несколько часов. Что произошло между ними?.. Эжену представилось, какой необычной могла быть их проулка.

Вот русская спускается по ступеням. На ней длинное до полу манто, на ногах теплые ботиночки. Она садится в сани рядом с Марселем. Возница накрывает их до плеч общим пологом. Кони трогают с места. Снег в лицо, русская закрывает глаза. А в это время ее рука находит мужскую руку, тянет за собой под полу своего манто. Мужские пальцы гладят тонкую шерстяную ткань юбки, ощущая под ней теплую живую плоть. Круглое колено, крепкое бедро, потаенное женское место… В то время как сани летят по дороге и всем видны разгоряченные от ветра (от ветра ли?) лица, невидимые чужим взорам руки бродят в темноте под пологом, ощупывая, гладя, даря друг другу наслаждение. Эти скромные ласки только распаляют их. «Гони в деревню, к гостинице», – кричит Марсель.

И вот полог откинут, сани пусты. Легко ступая по дорожкам, в которых утопают все звуки, девушка без смущения спешит вслед за мужчиной.

Воображение Эжена летит дальше.

Они в номере. Комната оклеена обоями в мелкий цветочек, у стены – широкая кровать, напротив кровати – распахнутое окно. Русская приподнимается на цыпочках, притворяет фрамугу. В комнате становится совсем тихо, так что слышно, как тяжело дышит мужчина, когда снимает с нее одежду. Он раздевает ее без малейшего трепета, как будто снимает кожуру с мандарина. Мандарин для него не деликатес, но все же вкусный десерт – к знакомому лакомству он подходит с некоторой пресыщенностью.

Вот она полностью обнажена и падает на простынь, подобно махе на полотне Гойи, закидывает за голову руки. Ее кожа цвета топленого молока. У нее упругие соски, похожие на спелые вишни. Мужские губы тянутся к ним, язык пробует их на вкус.

Эжен не замечает, что персонажи его фантазии изменились, и уже не Марсель, а он сам занимается любовью с русской.

Русская берет инициативу на себя. Вот ее руки окружают его лицо. Плавными легкими движениями одного только указательного пальца она проводит по бровям к переносице, неторопливо очерчивая профиль, останавливается на губе. Такое ощущение, что она предупреждает его: «Тс-с, тише, не надо стонать так громко. Никто не должен знать, как тебе хорошо». Ее губы касаются его шеи, ключиц, спускаются ниже, скользят по бедрам. Он ощущает на своей коже влажность ее жарких губ… Нет, он не может удержаться от стона. Какое это безумное удовольствие – быть во власти ее рук, губ… Одним рывком она оказывается сверху, ее темные шелковые волосы заслоняют свет, щекочут его лицо. Он чувствует, как проникает в нее, заполняет ее лоно до краев. Она начинает двигаться: вверх-вниз, вверх-вниз, как на качелях. Все ее движения настолько естественны, как будто ей все это не внове. Чистота и порочность, нежность и страсть.

Возбужденное воображение Эжена не ищет слов, не выстраивает фразы, не складывает рифмы – это придет позднее, стихи требуют филигранной работы ясного ума. Волнующие образы наполняют его душу блаженством, уносят мысли.

– Эй, тебе послание, – слышит он и открывает глаза. Сложенный вдвое листок оказывается у него в руках. Неумелый рисунок с подписью по-французски: «Портрет молодого человека семнадцати лет».

Эжен провел языком по своим сухим, как старая бумага, губам и оглядел шеренгу кроватей, нашел место, где лежала русская. Гал***а*** – какое странное имя. Он скорее угадал, чем заметил выскользнувший из-под густых ресниц мимолетный взгляд. «Что за молодой человек? Ответьте быстрее», – набросал он под неумелым рисунком, и передаваемое из рук в руки письмо достигло отправительницы. Фиолетовый карандаш в руках девушки заскользил по бумаге, и послание вновь у него в руках. «Сегодня вечером вы будете есть со мной». «Я к вашим услугам», – как будто отвечая на дуэльный вызов, подписал он ниже.

За ужином они уже сидели рядом за одним столом. Он – в сером чесучовом костюме. На ней белый в крупную вязку свитер, кажущийся слишком грубым но сравнению с ее тонкой с золотистым загаром кожей.

Эжен придвинул к себе прибор, положил на тарелку холодное мясо, овощи. Он никогда не забывал, что одной из составляющих успешного лечения была обильная, разнообразная пища, и каким бы ни был его аппетит, он всегда старался съедать как можно больше. Эжен наколол на вилку тонкий пласт холодного вареного мяса и поднял голову. Галя с бокалом у рта, казалось, ожидала его реплики.

– Вы живете в Москве? – начал он. Обычно стоило навести разговор на тему родных мест, как собеседник растекался славословьем. Вспоминалось житье в родных пенатах, пелись дифирамбы родным и друзьям, слагались гимны природе. Эжен приготовился слушать долгий рассказ девушки, но она отпила глоток разбавленного водой вина и ответила неожиданно коротко:

– Я живу здесь, в Клаваделе.

– Да-да, несомненно, – он немного растерялся резкости ее ответа. – Я неправильно задал вопрос. Откуда вы родом? Расскажите мне о Москве. Это же очень большой город, да?

– Родилась я в Казани, в одиннадцать лет наша семья переехала в Москву. О Москве что говорить? Будете у нас проездом, заглядывайте в гости, тогда, если действительно вам интересно, я все покажу.

Он смущенно потупился, захваченный врасплох не столько ее неожиданными ответами, но больше тем, что был не в силах устоять перед ее открытым взглядом.

– Наверное, вы скучаете здесь одна? – выдавил он.

– Я достаточно взрослая, чтобы отказаться от сопровождения матушки.

Эжен вспыхнул и опустил голову, избегая ее пронзительного взгляда. Девушка попала в его самое больное место – он тяготился затянувшейся опекой матери. Ему невмоготу было ее ежедневное присутствие с ним в одной комнате, неприятен шелест ее одежд, когда она, готовясь ко сну, раздевалась за ширмой, кисловатый запах ее тела, шумное дыхание. Ее присутствие мешало ему погружаться в сладкие эротические грезы; когда в своих мечтах Эжен блуждал по таинственным закоулкам влекущего женского тела, ему была чужда сама мысль, что его мать – существо для него бесполое – тоже когда-то будила страсть. Для матери он оставался «малышом Жеженом», слабым, требующим неустанной заботы существом, он же начинал осознавать себя взрослым мужчиной.

– Как так получилось, что сегодня вы одни, без матушки? Неужели мадам Грендель решилась оставить вас одного и вернуться домой?

Первым порывом его было покинуть свое место, но он, уже закончив закуску, бросил гренки в бульон. Дурной тон метаться от стола к столу. Он сожалел, что принял предложение сменить место за ужином.

– Мадам Грендель спустилась в деревню за покупками, – ответил он и, не поднимая головы, сосредоточился на еде. Облегчило его положение появление русской супружеской пары. За столом начался общий разговор. Беседа велась на русском языке, что освободило его от участия. Иногда соседка напротив, жена горного инженера Натали, обращалась к нему по-французски, просила его передать то или иное блюдо, спрашивала о самочувствии, погоде, настроении. Разговор с ней был настолько же простым, насколько и скучным. Эжен старательно изображал интерес к собеседнице и с нетерпением ожидал момента, когда ужин закончится и можно будет уйти.

Он вытер салфеткой рот и готов был встать, как узкая ладонь легла к нему на колено. Приблизив свое лицо к его лицу, Галя торопливо зашептала:

– Эжен, простите меня. Я сама не своя. Так хотелось бы с вами встретиться без свидетелей, наедине. Мне очень надо выслушать ваш совет. Не могли бы вы составить мне компанию на вечерней прогулке? Давайте погуляем вместе около санатория. Сегодня не так морозно, легкий снежок. Ваша матушка когда возвращается?

Он выдержал ее напряженный взгляд.

– Предполагаю, должна скоро быть, – холодно ответил он.

Он заметил, как мгновенно потух ее взгляд.

– Так вы пойдете гулять после ужина, да? – переспросил он.

– С условием, если вы будете сопровождать меня.

Эжен не смог сдержать довольную улыбку. Этот умоляющий той, полные тревоги глаза не могли оставить его равнодушным.

– Я поднимусь к себе переодеться. Через полчаса буду готов, – сказал он и поднялся.

– После обеда гуляй, после ужина отдыхай, – подала свою реплику жена горного инженера. – Разве вам неизвестны правила?

– У правил бывают исключения, – ответил Эжен и заметил, как Галя поддержала его улыбкой.

*** * ***

Галя шла по хорошо различимой в свете горящих окон дорожке. Из неплотно притворенного окна послышались звуки фортепьяно. Почти каждый вечер кто-нибудь из отдыхающих устраивал небольшой концерт. Галя узнала мелодию «Лунной сонаты». Музыка создавала особое настроение, а сгустившиеся сумерки, размывая очертания деревьев, делали весь пейзаж неузнаваемым. Галя остановилась у запорошенной снегом скамейки, сцепила пальцы рук в замок прямо перед собой. Ее возбуждение постепенно спадало и под влиянием темноты и меланхоличной мелодии перерастало в острую жалость к себе самой. Она изнемогала от одиночества. Какой парадокс – вокруг столько людей, но она чувствовала себя, как странник в

пустыне, на горизонте различивший оазис. Кажется, еще немного, и измученная душа найдет отдых; вот человек, который готов разделить твои чувства, поддержать тебя, понять – увы, слова тонут в равнодушном молчании или того хуже – притворном понимании. Одиночество среди толпы. Ей стал понятен порыв Лиды смыть свое отчаяние в горном ручье, утопить свое одиночество в безбрежном море смерти. Но Галя хотела жить. И это неистребимое жизнелюбие удерживало ее от возвращения домой. Она помнила, как ее подруга Ася рассказывала о болезни своей матери, как повторяла: «Слишком рано она вернулась в Россию. Если б она долечилась в санатории. Зачем нужно было торопиться покидать Санкт-Блазиен? Зачем?..» Действительно, зачем Мария Александровна спешила к своей смерти? Может, она, как Лида, не смогла жить без любимого? Кинулась в объятия холодной родины, как Лида в ручей?

Развернувшись, Галя по своим же следам пошла в обратную сторону. «Лунная соната» сменилась вальсом. Как будто подхваченные вихрем бравурной мелодии, ее мысли понеслись в ином направлении. Она вспомнила недавний разговор с Марселем, его лукавую улыбку, искорки смеха в его темных глазах. «Незапатентованное лекарство от всех напастей – любовь, легкий флирт, все, что помогает прогнать скуку». Его слова отпечатались в ее памяти, как гравюрные оттиски на белой бумаге. С того дня, когда Галя с Марселем совершила санную прогулку, мысли о чудодейственной силе любви не покидали ее. Галя помнила, каким счастьем было отдаться объятиям случайного партнера, каким наслаждением было кружить с ним в танце. Какие волнующие ощущения она испытала, когда Марсель целовал ее. После санной прогулки она не нашла в себе смелости принять его приглашение и подняться к нему в комнату, ей не хотелось стать одной из многих его любовниц. Она – единственная, особенная, неповторимая, и первым ее мужчиной тоже должен стать особенный человек. Пока в ее окружении таковых не нашлось, она готова к легкому флирту с юным французом. Тем более что ее подстегивал азарт сразиться за него с мамашей Грендель.

Позади нее послышались шаги. Когда Эжен дотронулся до ее плеча, она почувствовала, как теплая волна удовольствия накрыла ее. Галя повернулась и, встретив его протянутые ладони, вложила в них свои.

– Эжен? Вы здесь, – сказала она так удивленно, как будто до последнего мгновения сомневалась, что он придет. Он был одет, как всегда, тщательно, в застегнутое на все пуговицы теплое до лодыжек пальто, шею окружал вязаный шарф, на голове – меховая шапка. Любой другой в такой одежде выглядел бы нелепо, но только не Эжен. Казалось, напяль на него тулуп, подвяжи бечевой, все равно будет выглядеть как с обложки модного журнала.

– Надеюсь, я не заставил вас долго ждать.

По напряженному тону его голоса Галя поняла, как непросто далось ему решение нарушить режим и прийти к ней на свидание. Или мамаша Грендель стояла у него на пути?

– Пойдемте со мной. Пойдемте.

Галя схватила его за руку и потянула за собой. Отчего-то ей стало весело.

Быстрым шагом они пересекли территорию санатория, стали подниматься вверх. Путь им освещала только полная лупа, казавшаяся большим ярким фонарем. Протоптанная в снегу дорожка перешла в узкую тропинку, и им пришлось разъединить руки. Галя впереди, Эжен следовал за ней в полушаге. Она шла выпрямившись, чуть покачивая бедрами, как будто поддразнивая его. До нее доносилось его напряженное дыхание, но Галя не сбавляла шага. Куда она вела его? Сама не знала. Повинуясь порыву, она хотела выйти за рамки обыденности. Она искала новые ощущения: в густой темноте стоящих вдоль тропинки деревьев, в запахе хвои, в поскрипывании снега под ногами. Изредка она оглядывалась через плечо, ловила его разгоряченный от быстрого шага, ободряющий взгляд.

Эжен чувствовал необычное возбуждение, как будто угадывая, куда приведет его эта ночная прогулка. Что были ему гневные окрики матери, ее неожиданные слезы, угрозы. Ей не

по нраву эта русская – что с того? Много месяцев он жил с ощущением непонятной тревоги, беспричинно давящей на грудь тяжестью. Ему хотелось кричать и плакать, стучать кулаками, разбивая костяшки пальцев в кровь о монолитную стену непонимания. Родители проложили ему жизненную колею, добротную, размеренную, но до ощущения безысходности предсказуемую. Он должен был в скором будущем научиться делать совершенно ненужные, лишенные для него всякого смысла вещи: заполнять реестры, изучать рынок недвижимости, вести разговоры о прибылях и убытках. Один день, похожий на другой. Каждый день из года в год повседневность, заполненная суетой. Его ужасала сама мысль о таком будущем.

Дорога стала ровной и вывела их к простой деревянной скамье, вместо спинки имеющей за собой скалистую стену. Здесь, на высоте, царила холодная луна, придававшая их лицам голубоватый оттенок.

Запахнув плотнее полы манто, Галя опустилась на сиденье. Эжен остался стоять, опершись плечом о каменный выступ. Под расшитым звездами бархатом неба далеко внизу золотистыми пятнами виднелись освещенные окна санатория. Их окружала мертвая тишина, нарушаемая лишь слабым шевелением веток.

– Боже, Боже мой, – вырвалось у нее, – какое чудо! Даже не верится. Эжен, я глубоко благодарна вам за компанию. Я никогда такой красоты не видела.

Он оглянулся на ее голос.

– Вы здесь в первый раз? – спросил он.

– У меня такое ощущение, что я здесь родилась.

– Тут не жарко.

– Я Снегурочка, – произнесла она по-русски.

– Снегуришка, – повторил он медленно, как будто пробуя на язык новое для него слово. – Что значит «снегуришка»?

– Сне-гу-ро-чка, – сказала она по слогам. – У нас есть такая сказка и чудная опера Мусоргского. Может, слышали? Нет? Старик и старуха слепили себе дочку из снега. Не какую-то там снежную тетю, а настоящую красавицу. У кого-то из стариков был скрытый талант. – Она хихикнула. – Не обошлось без колдовства. Ожила снежная девушка, и все в округе парни стали влюбляться в нее. Они к ней со всей душой, она – нос воротит, сердце-то холодное.

– Но ваше-то сердце не из снега.

– Вы уверены? Не желаете проверить?

Неужели она его провоцирует? Эта девушка не переставала удивлять его.

– Вы хотели попросить у меня совета, – напомнил он. – Помните, за ужином вы говорили…

Он скорее почувствовал, чем увидел взмах ее руки.

– Ах, Эжен, не будем о грустном. Мне сейчас так хорошо, так хорошо, что хочется молиться или петь. А еще лучше…

Галя заговорила по-русски. Речь на ее родном языке лилась плавно, ритмично, и только когда снова воцарилось молчание, он понял – то были стихи. Эжен чувствовал, что она ждет от него отклика, но не мог подобрать нужных слов. И что он мог ей сказать? Для него язык ее родины был чужд, непонятна она сама, но отчего-то его неудержимо влекло к ней.

Галя встала с ним рядом, взяла за локоть, развернула к себе и вдруг рассмеялась, легко, свободно, будто смешинки, как колокольчики, давно выжидали момента, чтобы зазвенеть. Сам не замечая того, Эжен улыбнулся ей в ответ. Он почувствовал, как все его страхи перед будущим словно растворились в ее смехе. Ему показалось, что этой русской девушке известно нечто, что может каким-то образом изменить его самого, превратить его жизнь в калейдоскоп ярких впечатлений, ведь недаром у нее такое необычное имя – Гала, праздник.

– Вы похожи на Пьеро, – сказала она и скорчила гримаску.

– Хотите сказать, я такой же нелепый, – хмыкнул он.

Она снова рассмеялась.

– Вы милый, очень милый. Только щеки совсем побелели, а нос, наоборот, красный, как клюква. Хотите, погрею?

Она подышала на свою ладонь и протянула к нему руку. Эжен перехватил ее и крепко сжал. У него возникло ощущение, что она поделилась с ним своей силой.

– Мы обязательно еще раз придем сюда, ладно? Днем и когда потеплеет, – предложила она. – А сейчас нам надо возвращаться. А то я тоже превращусь в грустную куклу.

Обогнув скамейку, они пошли назад. Даже когда дорожка сузилась в узкую тропинку, им не захотелось расцеплять рук, и они двигались одинаково медленно, стараясь не ступать в рыхлость придорожного снега.

Постепенно Галя заставила его разговориться. Не стесняясь, она задавала прямые вопросы, а его попытки уклониться, отделаться уклончивыми фразами пресекала. Он рассказал ей, что значит быть единственным сыном, рассказал о своем одиночестве. Он не хотел ни разжалобить ее, ни произвести романтического впечатления. Ему казалось, что за бесцеремонностью ее вопросов – некое особое знание, умение удивлять и даже шокировать. С другой стороны, он чувствовал ее неподдельный интерес. Его подкупала ее уверенность в себе, которая происходила из веры в собственную исключительность, что для нее было важнее, чем красота. Он говорил, она слушала со спокойным, задумчивым лицом.

– Гала, вы мне нравитесь, – решился он на признание.

– Вы тоже мне интересны. Немножко. – Галя лукаво улыбнулась и толкнула его плечом.

– Русские девушки все такие?

– Какие?

Смеясь, Галя закружилась, вытянув руки, точно парящая птица, и понеслась вперед мелкими, танцующими шажками. Вдруг она присела на корточки; и снежное ядро, выпущенное из ее рук, сделав дугу, разбилось о ствол дерева, прямо у него над головой, осыпав его холодными осколками.

– Ах так! Ну, держись, – крикнул он и побежал к ней навстречу. Вместо того чтобы убегать, она с визгом прыгнула на него и, вцепившись в его плечи, уронила на снег. Тут же, сама упав в сугроб поодаль, она повернулась на спину и раскинула руки, словно желая обнять ночное звездное небо у нее над головой. Эжен наклонился над ней. Бархатные щеки, топкие трепещущие ноздри, чуть приоткрытый рот и яркие, отражающие свет луны глаза.

– Малышка-девчушка, я тебя узнал, – прошептал он. – Ты приходила ко мне во сне.

Ее взгляд угас за занавесом ресниц. Он дотронулся пальцем до ее щеки – она была теплой, – очертил скулу, спустился к подбородку. Заметив, как дрогнули ее губы, он коснулся их подушечкой указательного пальца. Холод ее губ удивил его. Им неожиданно овладел страх, как перед закрытой дверью. Одно движение – дверь отворится, перед ним явится нечто новое, и он не сможет остаться прежним. Эта русская девушка уже завладела его мыслями, кружит его в эротических грезах, превращается в фантом его снов. Что станет с ним, поддайся он ее влиянию наяву? Тревога окутывала его, как едкий дым, мешалась с бессильным возбуждением. Ему захотелось вцепиться зубами в эти холодные, таящие скрытую угрозу губы, почувствовать вкус их крови. Распахнуть бы полы ее манто, разодрать в клочки ткань ее платья, окунуть руки в тепло ее бедер… В ту секунду, как он представил ее вытянутое обнаженное тело на снегу, он понял, что не осмелится даже поцеловать ее.

Эжен поднялся. Какое-то мгновение Галя недоуменно смотрела на него снизу вверх. Он нагнулся к ней и, протянув руку, помог встать. Когда она очутилась рядом с ним, Эжен, пряча лицо, согнулся пополам и начал суетливо стряхивать снег с полы своего пальто.

– Ну-ка, окунись еще разок.

Она снова толкнула его в снег, рассмеявшись, побежала вперед. Эжен внезапно ощутил чувство абсолютной свободы, как будто только что избежал грозящей его жизни опасности. Он

смотрел на ее исчезающий вдали силуэт, слышал, как стихает ее смех, и улыбался, чувствуя, как поток радости нахлынул на него. И в то же время – он не мог не отдавать себе в том отчета – к этой радости примешивалась пустота разочарования и снисходительная жалость к себе.

IV

Жанна-Мария Грендель стояла перед зеркалом, глядя на свое отражение. Утренний свет, льющийся из прорехи неплотно задернутых занавесей, мягкой ретушью прошелся по ее лицу, сгладив неровности кожи, затушевав морщины – следы нужды, тревоги и прожитых лет. Из окна доносился радостный гомон птиц, радующихся весеннему бесснежному дню. Она открыла шкатулку, немного поразмышляв, выбрала золотую брошь в виде розы.

– Мама, вы разве не остаетесь? – окликнул ее сын. Он стоял в глубине комнаты, и она не различала его взгляда. – Я предупредил вас, что не нуждаюсь в вашем сопровождении.

Сын вышел из тени и остановился около нее. Она повернулась к нему, поправила и без того лежавший безупречно воротник его рубашки, коснулась щеки. Щека была гладкой и пахла мятой. Ее мальчик уже брился…

– Мама, вы мне так и не ответили. Чем вы намерены сегодня заняться? – Требовательный взгляд сына окинул всю ее фигуру, от добротных кожаных туфлей на низком каблуке до однобортного жакета с брошью на лацкане.

– Жежен, я тоже с удовольствием прогуляюсь, – мягко сказала она. – Ты же собрался в Давос? Хочешь пройтись по магазинам? Мне тоже нужно прикупить бумагу, конверты для писем. Пожалуй, я составлю тебе компанию.

– Я принесу вам все что угодно, – оборвал он ее.

Спрятав обиду за излишней серьезностью, она сказала:

– В последнее время ты очень изменился, Эжен. И не в лучшую сторону. Ты болен, и помимо моей воли мне часто приходится идти тебе на уступки. Но мое терпение не безгранично.

– Я не понимаю вас, мама. О каких уступках вы ведете речь?

– Все ты понимаешь, дорогой. Сначала я согласилась пересесть за «русский» стол, потом я поддалась на твою затею с костюмами. Я даже не предполагала, что эта русская осмелится выйти на люди в мужском платье.

– Мама, то был карнавальный костюм. Цезарь и Клеопатра, султан и невольница, Пьеро и Пьеретта – это ж банально. Другое дело, когда сразу два Пьеро. Согласись, мы с Гала были не как все. Даже тебе потребовалось время, чтоб понять, где она, где я. Я прав, да?

Мадам Грендель отвела взгляд. Когда в празднично разукрашенный зал вошли два Пьеро, она действительно растерялась. Обсыпанные белой мукой лица-маски, глаза обведены траурными линиями, островерхие колпаки, скрывающие волосы. И юноша, и девушка в белых костюмах казались трогательными и хрупкими, как фигурки из дрезденского фарфора – толкни локтем, и разобьются в мельчайшие осколки.

– Девушка в штанах – это ж просто неприлично, – уже не так уверенно продолжила она. – Нет, я никак не одобряю твою дружбу с этой русской, – покачала она головой.

– Мама, неужели нельзя запомнить, девушку зовут Гала, – с нажимом сказал Эжен, и мать заметила, как напряглись все черты его лица. – Галья, Гала.

– Ни одна порядочная девушка не носит такого имени, – не отступалась мадам Грендель. – И вообще эта русская мне не нравится. Девушке не пристало быть такой развязной. Думаешь, я не вижу, как она флиртует с тобой, записочки пишет. Ты молод и не знаешь, на какие ухищрения может пойти женщина, чтобы завлечь мужчину. Какие капканы она может расставить, чтобы поймать себе мужа.

– И какие? Просветите меня, пожалуйста, мадам. У вас, вероятно, в том богатый опыт.

Мадам Грендель вспыхнула, но удержалась от проявления гнева. Она не скрывала от сына своего прошлого. С малых лет она была вынуждена зарабатывать себе на жизнь. Мало

того, оставшись без родителей, ей пришлось содержать младшую сестру и брата, заботиться о бабушке. Ее жизненный путь отнюдь не был устлан ковровой дорожкой. Естественно, она мечтала о счастливом замужестве, о безбедной, комфортной жизни, и ее знакомство с Клеманом Гренделем было ступенькой в восхождении по социальной лестнице. Ее муж, который начинал как конторский служащий, уже в двадцать восемь лет вел свое дело, позволившее им вырваться из нужды.

– Зачем ты обижаешь меня? – с горечью спросила она, глядя, в его такое родное, красивое, но отталкивающе-холодное лицо.

– Обижаю? Я?! – Тон его голоса взмыл вверх. – Это вы пытаетесь унизить в моих глазах хорошо образованную, порядочную девушку. – Заметив, как мать напряглась, уже спокойней добавил: – Кстати, если вам интересно, ее отчим – известный в Москве адвокат и придерживается либеральных взглядов.

– Отчим? Хм… Пусть так. Я ничего не хочу знать об этой русской. Подай мне шарф, – произнесла она с нарочитой небрежностью, давая понять, что все его возражения потонут в ее решимости. – Как ты думаешь, стоит мне захватить с собой зонтик? И принеси-ка мне свежий носовой платок. Вон там, в комодике. Будь осторожен с фарфором. Тебе понравилось мое новое приобретение? В Давосе я нашла очень даже достойную сувенирную лавку. Правда чудная пастушка? Дрезденская мануфактура. Представь, как эта скульптурка замечательно будет смотреться у нас в гостиной на каминной полочке.

Эжен вздохнул. Мать и ее церемонии. Даже вдали от дома она воссоздавала свой маленький мирок с фарфоровыми миниатюрами, пудреницами, зеркалами и зонтиками. Эжен тоже был частью материнских церемониальных ритуалов. Его роль состояла в том, чтобы быть сыном своих родителей – слушать и слушаться. До недавнего времени он принимал условия этой игры, сохраняя внешние атрибуты почтения к родным, уходил во внутреннюю оппозицию – в мир вымысла, литературы, поэзии. Родные ему по крови, они были чужими по духу.

Он вынул шелковый шарф из ящика комода, в два шага оказался рядом с матерью.

– Приятной прогулки, мадам.

Он бросил на спинку стула шарф, но тот, не удержавшись, соскользнул на пол.

Мадам Грендель вздрогнула, соприкоснувшись с сыном взглядом, и тут же растянула губы в улыбке, старательно скрывая состояние паники, нарастающее у нее в душе. У нее возникло ощущение, что перед ней незнакомец.

– Я больше не позволяю тебе встречаться с этой русской, – отчетливо сказала мадам Грендель, глядя пристально в глубину его зрачков. – Не позволяю, – повторила она, словно хотела убедить саму себя. – Эта авантюристка просто мутит твою голову. Что ты знаешь о ней помимо того, что ее воспитанием занимается отчим? Почему эта русская здесь одна? Где ее мать? Вот уже несколько месяцев я за ней наблюдаю, но не заметила, чтобы кто-либо ее хоть раз навестил. Ни мать, никто из родных. И есть ли таковые у нее? Может, вовсе не отчим оплатил ее поездку сюда? Может, тот московский адвокат, как ты говоришь, ей вовсе не отчим, а отец, который женился на ее матери, чтобы скрыть свой грех? Может, твоя русская – дитя адюльтера? Или еще хуже – может, ей оплатил санаторий ее любовник? И не смотри, Эжен, на меня врагом. Поверь мне, такое бывает. Почему твоя русская ничего не рассказывает о своем прошлом? Почему она не больно-то словоохотлива, когда просят ее рассказать о своих родных, а? И вообще, знаешь, что говорят здесь о ней?

– Я не думал, что ты собираешь сплетни.

В другой раз его полный горечи голос мог бы остановить мать, но ее было уже не удержать – слишком долго она пыталась скрывать свои истинные чувства.

– Да твоя русская просто больная! – воскликнула она, и ее лицо пошло пятнами.

– Не одна она. Мы все здесь не кровь с молоком, – спокойно ответил он.

– Ну согласись, Эжен, она слишком нервная. Чуть что – вспыхивает, кричит или плачет. Неужели ты не замечал перемены в ее настроениях? То смеется до упаду, то молчит, как немая. Нет, ей явно нужно проконсультироваться с психиатром.

Она передернула плечами, как будто ей стало дурно от собственных слов, и указала пальцем на лежащий под стулом шарф.

– Подними.

Ухватив двумя пальцами за конец, как будто боясь испачкаться, он подал ей шарф.

– Благодарю, сын, – делая вид, что не заметила, как брезгливо вытянулись его губы, сдержанно сказала она. – Надевай куртку и пойдем. Давай-ка заглянем в кондитерскую. Мне очень по вкусу местные круассаны. И горячий шоколад здесь просто изумительный. Ну же, Жежен, поспеши.

– Спасибо за предложение, мама, но я, пожалуй, останусь. Я хорошо поел в завтрак.

Он отошел к окну и, скрестив на груди руки, застыл в выжидательной позе.

– Эжен, подойди сюда, – позвала мадам Грендель.

Он не двинулся с места.

– Жежен, не заставляй свою маму ждать, – ее тон смягчился, послышались просящие нотки. – Пожалуйста, подойди ко мне, милый. Давай не будем ссориться.

Эжен продолжал стоять на месте. В два шага она оказалась рядом с ним. Он посмотрел на нее в упор, в его глазах застыл лед.

– Малыш, не смотри на меня так. Ты же мой сын. сын. Я люблю тебя. Ты – вся моя жизнь.

Все та же пренебрежительная поза, холодное лицо.

Она бросилась к сыну с намерением обнять его, но он отшатнулся. Его сомкнутые на груди руки разжались, но не для того, чтобы обнять мать, а вытянулись вперед, как будто он защищался от удара. Мадам Грендель едва справилась с собой, чтобы не закричать. Ей вдруг представилось, как другая, «эта русская» – так всегда, даже во внутреннем монологе, называла она Галю – приближается к ее сыну. Как сияют его глаза в ответ, как распахиваются руки. Жанна-Мария как будто слышала их тихий шепот, шелестящий смех, наблюдала невыносимые жесты, говорящие об их близости. Ноги ее ослабли, она чувствовала, что вот-вот упадет.

Отступив на шаг в сторону, она опустилась на стул.

– Пожалуй, я все же останусь, – сказала она еле слышно, развязывая на шее шарф.

Эжен тут же сорвался с места.

– Время прогулки. Я пошел.

Звук закрываемой за ним двери заставил ее вздрогнуть – в это самое мгновение она отчетливо, как никогда раньше, поняла, что теряет над сыном власть, и испытала такую боль, будто ей нанесли смертельную рану.

*** * ***

В воздухе стоял пряный аромат нагретой на солнце хвои. В цветастой легкой юбке и кофточке с рюшами по горловине и манжетам Гала – таким с недавнего времени стало ее имя – медленно поднималась в гору по извилистой тропинке. Позади нее с матерчатой сумкой через плечо шел Эжен. Он с тайным блаженством любовался гибкой шеей спутницы, ее узкой спиной, крутыми бедрами. Когда тропинка становилась шире, они вновь воссоединялись и шли, не разжимая рук, согласуя друг с другом ритм своих шагов, выискивая идеальное место для привала. Скатывающееся к горизонту солнце приглушило яркость красок, смазало очертания деревьев и уступов, трав и цветов. Напоенный ароматами ветер ласкал и бодрил одновременно, словно теплая, возбуждающая ванна.

Они разложили покрывало на лужайке с видом на долину. Отсюда над кронами деревьев виднелась нить дороги и сам санаторий. Гала без церемоний опустилась на покрывало, расстегнула две верхние пуговицы кофточки. Эжен, немного помешкав, отошел в сторону и, наклонившись, сорвал травинку. С наслаждением впитывая воздух каждой клеточкой своего

тела, она смотрела на него. На нем были светлые брюки и белый джемпер с закатанными по локоть рукавами. Солнечные лучи, пробивающиеся сквозь дрожь ветвей, обрисовывали его силуэт золотистым ореолом.

– Молодой бог, – еле слышно произнесла она.

– Что? – он оглянулся на голос. – Ты о чем-то спросила?

– Иди сюда. Тут хорошо, – произнесла она чуть громче и похлопала ладошкой рядом с собой.

– Да-да…

Он вновь отвернулся и продолжал стоять, покусывая стебелек травинки.

– У Пенелопы хватит терпения ждать.

Гала распростерлась на покрывале. Подложив под голову руку, она закрыла глаза. Ею завладела нега, щемящее ощущение полноты существования и какое-то сладкое, томное предчувствие.

Опустившись на покрывало рядом с ней, Эжен вдруг оробел. От ее запрокинутого лица с влажными завитками волос на висках, с тонкими нитями бровей и веером ресниц веяло покоем и такой отрешенностью от высокого чистого неба над головой, от подрагивающей листвы, от него самого – от всего, что Эжен почувствовал себя лишним; поманив, она вновь ускользала.

Кроны деревьев трепал ветер. Внизу белела черепичная крыша санатория. Он смотрел в подсвеченное солнцем спокойное лицо девушки и ждал. Чего? Он и сам не знал.

– Мой молодой бог, – наконец, едва разжав губы, повторила она.

– Бог не может быть ни молодым, ни старым. Он вечный, – ответил он резче, чем хотел.

– Ты мой бог. Мой умный, милый, чудный. Ты умеешь творить чудеса, – сказала она и замолчала, будто ей нужно было время, чтобы сказанные по-французски слова перевести на своей родной русский. С того самого вечера, когда молодой француз согласился пересесть к ней за столик, все в ее жизни изменилось. Дни перестали тянуться длинной монотонной чередой, а замелькали каруселью. Просыпаясь утром, она чувствовала карамельную сладость на губах, душа ее празднично ликовала. Каждый день видеть Эжена, разговаривать, просто находиться с ним рядом – было для нее так естественно, что возникал вопрос: как же она жила без него. Эжен много чего знал и с охотой делился своими знаниями, сочинял, и она была первой слушательницей его сочинений. Она не всегда понимала все, о чем он рассказывал, но его стихи волшебным образом воздействовали на нее. Звук его голоса, жесты, его улыбка и ясность взгляда были важнее всех смыслов. Может, и он сможет узнать ее лучше, почувствовать ближе, если ее не будут связывать путы французской грамматики?

И Гала заговорила по-русски.

– Мне кажется, что до знакомства с тобой меня просто не существовало. Нет, конечно, я была, только я – была не я. Где-то там, глубоко в душе, мне кто-то подсказывал, что в моей никчемной маленькой жизни есть какой-то смысл, для чего-то важного я родилась на свет. Только я даже не догадывалась о моем предназначении. Теперь знаю. Ты открыл мне меня саму, ибо мое призвание – быть для тебя, для твоей любви. Для твоих губ, рук, для твоих мыслей, твоих снов и мечтаний. Для всего тебя. Я хочу быть только с тобой. Я хочу ощущать всем своим существом только тебя.

Она по-прежнему лежала на спине, смежив глаза, и только ее тонкие губы едва шевелились в непонятной для Эжена речи.

– Если я кому-либо позволяла касаться себя и даже целовать, я просто искала. Искала любовь. Бог – есть любовь. Ты мой бог. Самый молодой и красивый бог. Мой Аполлон. Ты – моя любовь. Если мое тело было доступно чужим взглядам, мужские руки заставляли меня дрожать, то после я давала понять, что я его презираю, что я ненавижу его, что он совершил преступление. Его виной было то, что он – не ты. Я чувствовала, что в тех взглядах, касаниях есть нечто грязное, недостойное, греховное. Часами я стояла на коленях перед ликом Казан-

ской богоматери и просила о прощении, просила одарить любовью. А потом я снова искала тебя в толпе, пробовала на вкус чужие поцелуи, чуждые объятия. Но даже если кто-то был рядом со мной, я чувствовала – это пустое. Океан, наполненный пустотой.

Внезапно Эжен ощутил радость. Сильное волнение отражалось на ее лице. Неужели она молится? Или приглашает к игре, упоительной и волнующей?

Он протянул руку в сторону, сорвал стебелек, провел мягкой кисточкой травинки по ее подбородку. Не открывая глаз, она небрежно отмахнулась. Этот жест показался ему таким наивным и в то же время изящным, что он невольно улыбнулся. Кисточкой травинки он коснулся ее ключиц. Гала снова отогнала невидимую мошку. Травинка скользнула в глубь выреза.

Гала открыла глаза и, увидев напротив себя его склоненное сосредоточенное лицо, вдруг рассмеялась.

– Ах ты, нахал. – Вновь перейдя на французский, она схватила его за запястье. – Куда это ты направился?

– Это не я.

Он разжал пальцы, и травинка легла ей на грудь.

– Ты хочешь меня поцеловать.

Она произнесла это еле слышно, без вопросительной интонации и не закрывала глаз, пока его лицо опускалось к ней. Его губы дотронулись до ее губ, скользнув по щеке, коснулись влажного виска. Она вся напряглась в ожидании, но он остановился. Его дыхание теплым бризом касалось ее волос, его рука еще окружала ее плечи, но между ними как будто встала стена – тонкая, прозрачная, но не пропускающая воздуха. Медленно, с каким-то остывшим взглядом, Эжен отвернулся, приняв свое первоначальное положение. Минуты две он сидел напряженный, как алхимик, усомнившийся, что сумел медь превратить в золото.

Гала приподнялась на локте, травинка упала с ее груди. Она взяла стебелек, пощекотала его руку. Он как будто не заметил. Она смотрела на Эжена. Он был рядом, и в то же время отсутствовал. Она не раз ловила его в такие моменты, когда его глаза туманились, взгляд уходил внутрь себя, лицо светлело. Некоторое время он блуждал в ином измерении призрачных образов, метафор, ритмов и рифм, и, когда на его губах появлялась тень улыбки, она радовалась вместе с ним – значит, он нашел то, что искал, он сделал открытие. Она чувствовала себя не зрителем, созерцающим процесс творения, но соучастником, сотворцом.

Сейчас же на его лице она не наблюдала и следа вдохновенной просветленности. Эжен просто отдалился от нее. Туча нашла на солнце. Гала заметила болезненно острые черты лица, синие тени под веками, холодный блеск в его глазах. Ей казалось, что она читает его мысли, и если он не осознавал, она догадывалась, в чем причина его столь внезапного отчуждения. Невидимый призрак мадам Грендель встал между ними. Гала сама была тому виной. Когда она была в их комнате и заметила рядом с фарфоровой статуэткой пастушки на комодике флакон духов – не удержалась. Открыв флакон, она смочила подушечку указательного пальца и мазнула им прядь волос около виска. Не осознав, Эжен уловил запах материнских духов на ее коже.

– Мне кажется, мы что-то делаем неправильно, – не глядя на нее, сказал он.

Его беглый встревоженный взгляд заставил ее улыбнуться. Мальчик напуган. Что ж… Надо его успокоить, предложить новую игру.

Согнув в коленях ноги, Гала села рядом с ним, расправила подол.

– Разве мы кому-нибудь мешаем? Мы ведем себя как примерные дети. Сейчас время прогулки, так? Доктор не против, когда в хорошую погоду кто-то из отдыхающих покидает территорию санатория. Кстати, когда у тебя назначен следующий рентген?

– Тебе хорошо известно, что двух недель не прошло, как мне делали снимок.

– Я даже знаю, что доктор остался доволен. Жаль, что мне не показали. Наверняка ты очень красив на снимке.

Положив локти на колени, она оперлась подбородком на сцепленные в замок руки так, что он не видел выражения ее лица.

– Все шутишь, – неуверенно произнес он.

– Я серьезна, как никогда.

– Моя мать не разделяет твоего оптимизма. Мой снимок оказался не очень хорош. В левом легком видны затемнения.

– Нужно срочно предпринять кардинальные меры. Я знаю прекрасный метод. Стопроцентная гарантия полного выздоровления.

Она поцеловала его в губы так быстро, что Эжен не успел даже испугаться.

– Ты сумасшедшая.

Она слегка откинулась и рассмеялась, продолжая следить за ним напряженным взглядом. Эжен чувствовал, что должен оправдаться.

– У тебя никогда не возникало такого чувства, что когда тебе весело, кто-то в то же время страдает?

– Какие глупости ты говоришь. Солнце светит для всех. И небо для всех. И деревья, и воздух. Бери, наслаждайся, радуйся. Мы ничего ни у кого не забираем.

Ее голова оказалась на его коленях, и его рука как бы сама собой окунулась в тепло ее волос.

– Конечно, все так, как ты говоришь. Только кому-то приходится жертвовать собой, чтоб мы наслаждались комфортом. Вся наша жизнь зависит от чьих-то усилий, трудов, забот, – продолжал он сбивчиво. – За добро, говорят, надо расплачиваться той же монетой. Мы все опутаны нитями долгов и оправданий. Очень часто, чтобы высвободить себе хоть толику свободы, приходится рвать по-живому…

– Я не совсем тебя понимаю. Ты что, боишься быть счастливым?

Она отодвинулась от него. Ее пронзительные, темные, как бездонный колодец, глаза смотрели на него в упор, и ему казалось, что он различает в ее взгляде удивление, граничащее с презрением.

– Нет, совсем нет, я не боюсь быть счастливым. Просто я никого не хочу заставлять страдать.

– Я вовсе не страдаю, мне с тобой хорошо. Когда я рядом с тобой, мне больше, чем хорошо.

Она упала на спину. Подол ее юбки взбило пеной, оголив до колена ноги в тонких полупрозрачных чулках. Он не мог отвести взгляда от ее стройных ног с изящными ступнями, узость которых подчеркивали тонкие ремешки с блестящими застежками. И тут перед его мысленным взором возник иной образ: широкие ступни с неровными выступающими узлами суставов, венозные нити под тонкой, размякшей от горячей воды кожей, трещины на тяжелых пятках. Мать делала себе горячие ножные ванны, когда чувствовала недомогание. Эжен вдруг почувствовал себя виноватым, что оставил мать одну.

– Гала, мне с тобой приятно, очень приятно, только… Мне бы не хотелось строить свое счастье на несчастьях другого человека, – с трудом вытолкнул он слова из пересохшего рта.

– Ты думаешь о мадам Грендель? – догадалась Гала.

– Причем тут моя мать? – слишком поспешно ответил он и тут же уловил, как чуть дрогнула недоверчиво ее бровь. Гала с ее филигранной интуицией не переставала удивлять его. – Вообще-то ты права, – отводя взгляд, сказал он. – Моя мама очень многим пожертвовала ради меня. Вот уже почти год, как она отлучена от своего дома, от привычной для нее обстановки, от своих фарфоровых безделушек, цветов, тетушек. Она и здесь шатается наладить нечто подобное домашнему уюту, я вижу, насколько это выходит убого. К тому же отец дома остался один. Не думаю, что ему нравится коротать вечера в одиночку.

– Я не понимаю тебя. Если дела обстоят так, как ты говоришь, зачем мадам Грендель не уезжает? Или она тоже больна, как мы?

– Да, ты не понимаешь. Мы с мамой очень близки, очень, мы никогда не разлучались даже ненадолго. А сейчас она целые дни проводит в одиночестве. Каждый раз, когда мы вот так с тобой вместе, одни, без свидетелей, у меня возникает чувство, что я предаю свою мать.

– Что ты считаешь предательством? Вот это?

Ее рука скользнула в его руку, потянула за собой. И, следуя указанному пути, его ладонь оказалась на ее щиколотке, поползла вверх, и когда его пальцы окунулись в мягкое тепло ее бедер, ее лицо приняло выражение какой-то отрешенности. Во всем ее теле появилась расслабленность, она как будто отдавалась во власть подрагивающих от легкого ветра волн. Томным движением ее голова склонилась к плечу, волосы разметало по сторонам. Под напором его рук ее ноги раздвигались все шире, и когда его пальцы, чуть задержавшись на шероховатой подвязке, нашли то, что искали, она приподнялась в порыве, так что он не удержал равновесия и упал на бок. Ее дрожащий рот с легким придыханием накрыл его губы.

Эжен отдался новым для него ощущениям. Ему казалось, что он, подчиняясь неведомой для него силе, прячется от самого себя, что он не господин, а слуга. Впервые в жизни Эжен был и победителем, и побежденным одновременно. Он смирился. Отторгнув все доводы благоразумия. Он поддался потребностям своего тела, пришел с ним к соглашению. Долг и желание, проза жизни и поэзия духа, разум и чувства, – отныне все для него стало равнозначным. Он больше не станет мучить себя противоречиями. Ему придется считаться с желаниями собственного тела. Телесная радость произвела в нем душевную метаморфозу – будто холодный липкий туман наконец-то рассеялся и выглянуло солнце. Вот оно – заветное женское тело прямо перед ним, рядом с ним. Только бы не остановиться на полпути, только бы наконец познать то, о чем давно мечталось…

V

Эжен отстранился от нее.

– Что случилось?

Занавеси были отдернуты, и комнату освещала зыбкая лунная дорожка.

– Мне кажется, я что-то слышал, – сказал Эжен дрогнувшим голосом.

– Чего пугаешься, мальчик? Никак не привыкнешь, что за тобой никто не следит? Успокойся, мамочка вернулась домой и поливает свои цветочки.

– Я не люблю, когда с пренебрежением говорят о матери, – сухо заметил Эжен и, обернув бедра покрывалом, сел на кровати. Если бы он не был воспитан в уважении к женщине, он сумел бы избежать столь унизительного положения случайного любовника.

Раздосадованный размолвкой с Гала, которая предпочла весь вечер прокружиться в танце с господином Магнусом, он согласился составить компанию Маргарет.

Маргарет была женщиной лет тридцати или чуть больше с пышными, вьющимися пепельными волосами и высокой грудью. О ней было известно, что когда-то она пела в опере, затем вышла замуж за наследника состояния, сделанного на торговле шерстью, и была вынуждена покинуть сцену. Заточенная в фамильном замке мужа, она, вероятно, неимоверно скучала и была рада очутиться в фешенебельном санатории. Ходили слухи, что она подкупила домашнего доктора, и тот поставил ей необходимый диагноз. Боязнь навсегда потерять свою блистательную супругу убедила ревнивого мужа в необходимости ее отъезда в Швейцарию. Местное общество разочаровало бывшую хористку. Каждый из пансионеров был сосредоточен прежде всего на самом себе, не замечая чар полной жизненных соков красавицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.